

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

ДЕСАНТ

Юрий Валин

СТОИТ НАСМЕРТЬ

Операция «Багратион»

Самый младший лейтенант

Юрий Валин

**Десант стоит насмерть.
Операция «Багратион»**

«Автор»

2014

Валин Ю. П.

Десант стоит насмерть. Операция «Багратион» / Ю. П. Валин — «Автор», 2014 — (Самый младший лейтенант)

Новый военно-фантастический боевик от автора бестселлеров «Самый младший лейтенант» и «Мы одной крови!». Сверхсекретное подразделение ГРУ продолжает боевую работу по корректировке истории, забрасывая разведывательно-диверсионные группы из XXI века на Великую Отечественную войну. Их очередное задание – рейд по немецким тылам летом 1944 года в разгар операции «Багратион». Но на этот раз им придется столкнуться не только с отступающими частями Вермахта и ваффен-СС, не только с карателями и полицаями, но и с ягд-командой тайной нацистской организации «Норфкис» («Кукушка»), созданной для изменения реальности и готовой на всё, чтобы переиграть Вторую Мировую войну в пользу гитлеровского Рейха...

© Валин Ю. П., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава первая	21
Глава вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Юрий Валин

Десант стоит насмерть. Операция «Багратион»

© Валин Ю., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Автор благодарит:

Надежду Игнатьевну Поборцеву за трудные воспоминания;

Александра Москальца – за помощь на «всех фронтах»;

Евгения Львовича Некрасова – за литературную помощь и советы;

Ивана Блажевича – за помощь и технические советы.

Автор просит считать все совпадения имен, фамилий и географических названий не более чем совпадениями.

Пролог У развилки

8 июля 1941 года.

Грунтовая дорога в 6 км юго-восточнее города Сенно

Танк не горел. Стоял с распахнутыми люками-ушами, так и не взобравшись на дорогу через глубокий кювет. Ствол орудия БТ-7 тянулся к окраине городка, словно надеясь еще хоть разок выпалить по врагу. Безнадежно.

На поле замерли еще танки. Наши, темные, выгоревшие, убитые. Отсюда батальон атаковал город и напоролся на немецкие ПТО...

Красноармейцы смотрели на умерший танк, младший политрук Лебедев рассматривал растоптанную рядом с катками пачку «Норда». Белые гильзы папирос уже побурели в дорожной пыли. Слоновая кость – символ патетической смерти. Отвратительный, чуждый декаданс.

В смерти не было ничего торжественного. Жженая умбра, охра с преобладанием сепии. Приглушенные тона. Иногда аспидно-серый, оскорбительно не совпадающий с азуром летнего неба. Всё безнадежно.

Андрон Николаевич Лебедев был художником. Нет, конечно, у него имелось личное оружие, кубари на малиновых петлицах и еще не успевшее истереться удостоверение начальника клуба Старо-Обальского гарнизона. Но Андрон был художником. И в жизни, и глубоко в душе.

Здесь, у безнадежного проселка, художнику делать совершенно нечего. Сновидение дурное. Кошмар. Очнуться, прийти в себя, отрезветь. Нет, просто бред какой-то.

Андрон повертел в руках фуражку и снова пересчитал папиросы на земле. Восемь. «Норд» он никогда не курил. Гадость навозная. В сельмагах такими торговать и то стыдно. Но курить хотелось безумно.

Нет, его не должно быть здесь. Разбитый проселок, вонь умершего танка. Тишина. Утренней бешеной канонады словно и не было. Изредка доносился далекий треск винтовок, самоуверенно вплеталась в него пулеметная очередь. Самолетов не было, глухого уханья танковых орудий не было, оглушающих разрывов снарядов и бомб тоже не было. Ничего не было. Исчезла дивизия. Убита, раздавлена, разгромлена. Это конец. Хотелось пить.

Стоял мертвый танк.

– Тут, видать, батальонного комиссара и вбило. Хлопцы рассказывали. Башню, вон, насквозь. Они ш головными на город шли. Вы, товарищ младший политрук, сами-то знали Савченко? – прохрипел сержант.

– Нет, я же из комендатуры, – пробормотал измученный Андрон.

– Это, идти нам нужно, – сказал красноармеец Седлов. – Вон он – хутор.

– Шагом марш. И без разговорчиков, – машинально приказал Андрон.

Сержант Барбута вздохнул и зашагал по разбитой колее. Винтовку он нес все-таки удивительно изящно. Словно грабли колхозные.

Прихрамывая за бойцами, Лебедев вновь остро ощутил, что он для них чужой. И цветом петлиц, и вообще. Не должно быть Андрона Лебедева на этой не просохшей после вчерашнего дождя дороге, ведущей в пугающее никуда...

Дорога вела к хутору у развилки проселка. Туда и следовал крошечный отряд младшего политрука Андрона Лебедева. Художника.

Странное стечение обстоятельств. Фатальное. Три дня назад, всего три дня назад, через Старую Обаль катилась лавина техники. Сотни краснозвездных танков, артиллерия, тягачи, грузовики с пехотой. Красная Армия наконец-то наступала. Андрон, остро чувствуя причаст-

ность к этой бронированной, всесокрушающей волне, метался между клубом и крошечной городской типографией. Печатали боевой листок. В две краски – «В грозный час». Мальчишки из клубного театрального кружка отчаянно запрыгивали на подножки машин, совали еще пачкающиеся листы газеты в кабины, в руки сидящих в кузовах бойцов. Своевременно и организовано выполнила задачу городская комсомольская ячейка. Усталый политрук дивизионного политотдела пожал руку, поблагодарил...

Бесконечная колонна техники все катилась по узким улочкам. Заглохшие машины оттачивали вплотную к домам, матерящиеся механики пытались завести двигатели-саботажники. Старая Обаль стала оливково-пепельной от пыли. Груз с машин спешно перебрасывали на исправные грузовики, мехкорпус шел к фронту, бить врага, о задержках не могло быть и речи. Андрон по приказу коменданта принял в клуб на временное хранение кинопроектор, банки с фильмами и походную дивизионную библиотечку – новенький фургон политотдела забили снарядами ящиками. Уже темнело, измученные клубные комсомольцы помогали втискивать тяжелые ящики в узкую дверь грузовика-фургона. На улицах вечно тихого городка звенел металл, взрывывали двигатели – походный порядок дивизии порядком растянулся, спешно формировали колонну из отставших машин.

...В полночь Андрон трясся в кабине «ЗИСа». Колонна из одиннадцати единиц техники догоняла дивизию. И пусть старшим колонны был старший лейтенант-механик, но вел машины младший политрук Лебедев – за три месяца успел, пусть и поверхностно, изучить окрестности городка. Двигались без фар, практически на ощупь. В кармане гимнастерки лежало предписание. Да, пусть и временно, но прикомандировывался Андрон к самому боевому бронетанковому соединению. Несмотря на усталость, чувствовалось некое опьянение, щекотал холодок предчувствия. Пусть не на фронт, но к фронту. Услышать грозную канонаду, увидеть стальную, уходящую в бой лавину, поймать, запомнить то редчайшее ощущение полного единения людей и стали. Закрепить в эскизах, потом на холст... Представить картины вступительной комиссии... В жесткой полевой сумке лежал хороший ленинградский блокнот, ждали в кармашках тщательно отточенные карандаши.

Андрон знал, что и сумка, все еще пахнущая новой кожей, и эти ремни, и эта трясущаяся ночь – они мимолетны. Война закончится, младший политрук Лебедев (к тому времени, вполне возможно, уже и не «младший») снимет форму и все-таки поступит в ЛИЖСА¹. Да, дважды прокатывали, но теперь и опыт есть, да и к кандидату в члены ВКП(б), вернувшемуся из действующей армии, совсем иное отношение. Только попробуйте с этим быдловатым приговором «серо и весьма посредственно» завернуть.

Андрон знал, что он художник. Очень талантливый художник. Когда-то сказали, что за плечом мальчика стоит сам «солнечный Феб». Это было правдой. Атеизм не отрицает врожденного таланта и вдохновения. Бога, конечно, нет, но есть призвание и Талант. Пусть далеко не все могут разглядеть искру Таланта, истинный Художник выше насмешек. Война, клубная работа, возня в доме пионеров и бесконечное оформление лозунгов и праздничных плакатов – все это временно. Эскизы, мольберт, кисть, оживающая силой таланта... Признание придет. Истинно ценны и дороги Художнику лишь его образы, его чувства, его мысли. Ради точного образа, ради одного гениального мазка он и работает долгие годы.

Но времени на наброски героических боевых сцен не нашлось...

За эти дни Лебедев многое понял. Их бросили. Всю дивизию безжалостно бросили, оставили на убой немцам. Нет, не дивизию, весь мехкорпус. Краснозвездные самолеты он видел лишь дважды. Немецкие же висели над головой бесконечно. По ним били зенитки, но наглые

---

¹ ЛИЖСА – Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры; до 1932 года назывался ИНПИИ – Институт пролетарского изобразительного искусства.

угловатые немецкие бомбовозы были абсолютно неуязвимы. С неба снова и снова сыпались бомбы, летели пулеметные очереди. Пикировщики неслись сквозь солнце: темные, воющие двигателями и сиренами вороны тени. Снова и снова. Выносить это было совершенно невозможно. Андрон падал в канаву или любую ямку, забивался под стену и закрывал голову. Утыкался лицом в потную подкладку фуражки, старался думать лишь об отвлеченном. Пронесет, обязательно пронесет. Ад, три дня ада...

...Утром 6 июля танки и мотострелки 18-й танковой дивизии вышибли немецких десантников из Сенно². Город был освобожден, маленький уютный городок с живописным озером и церквушками, так и просящийся на холст. Грозные дымы на горизонте, тона Зауервейда³, масштаб Рубо⁴. Было, конечно, не до осмысления. Младший политрук Лебедев помогал организовывать митинг, сзывал горожан, правда, мероприятие пришлось скомкать – дивизионный комиссар где-то задерживался. Переночевал рядом со школой, жена учителя напоила наваристым компотом. С утра танкисты должны были развивать наступление на Лепель...

Утро началось чудовищно. Андрон проснулся от яростной стрельбы: на окраине, захлебываясь, строчили пулеметы, часто били пушки. Затягивая португю, Лебедев выскочил на улицу. Бессмысленно металась по улице бойцы-саперы, «Т-26» тянул на буксире заглохшего собрата, из башни высунулся черный от пыли капитан, в бешенстве махал флажком, требуя очистить проезд. Вдоль забора пронеслись ошалевшие собаки...

Позже Андрон узнал, что немцы на броневиках и танках практически вплотную подошли к отдыхающей на окраине роте мотострелков и расстреляли красноармейцев, как в тире. Потом фашисты открыли ураганный огонь по дороге, по которой тянулись наши машины снабжения. Как все это получилось, понять было невозможно. Очевидно, стрелки приняли немецкие броневики за свои. Впрочем, к вечеру о своем первом порыве призвать к ответу виновных, найти преступных разгильдяев и помочь политотделу тщательно разобраться в произошедшем Андрон прочно забыл. Просто чудо, что удалось пережить этот день...

Немцы атаковали с трех сторон, пытались прорваться на восточную окраину, откуда прикрывал оборону наш артдивизион. Бомбежка, обстрел, снова бомбежка. Андрон сначала сидел со связистами в большом погребе, но здесь было опасно: несколько снарядов упало прямо на улице. Политрук Лебедев попытался пробраться к штабу – там должно было быть спокойнее. Но и там, в районе школы, что-то взрывалось. Прямо на улице лежали трупы: сержант без оружия, с вывернутыми карманами гимнастерки, штатский мужчина, по виду явно непризывного возраста. Никто не занимался убитыми, никому не было дела. Андрон пытался остановить бойцов, волокущих ящики с боеприпасами. Красноармейцы сделали вид, что не слышат, лишь старшина, крупный цыганистый хохол, несущий патронные ящики под мышками, словно чемоданы, дико глянул налитыми кровью глазами...

Все рассыпалось прямо на глазах. Откровенно игнорировали, словно и не было у Лебедева на петлицах двух кубарей, не было ярких звезд на рукавах. Полный решимости догнать и остановить бойцов, Андрон побежал следом, но тут в небе снова взвыли моторы, застучал во дворе зенитный пулемет. Бомбовозы с воем валились в пике, метя по позициям на западной окраине городка. Андрон метнулся в другую сторону...

Он потерял и снова нашел фуражку, едва не попал под колонну бешено несущихся грузовиков, видел подбитый броневик. На окраинах почти непрерывно били пушки, по улицам лязгали «Т-26», на броне некоторых, видимо, вопреки всем уставам и инструкциям, сидели

---

² Командование 7-го мехкорпуса ошибочно считало, что столкнулось с «авиадесантом, выброшенным в районе Сенно силой до пехотного полка при 60 танкетках». В действительности город на тот момент занимали передовые части 7-й танковой дивизии противника.

³ Зауервейд Александр Иванович – немецкий и русский художник, профессор батальной живописи.

⁴ Рубо Франц Алексеевич – русский художник-панорамист, создатель трех батальных панорам: «Оборона Севастополя», «Бородинская битва», «Штурм аула Ахульго».

бойцы, подпрыгивали ящики со снарядами. Горели дома, несло, прибывало к земле густой черной дым. Кашляя, Андрон искал какой-нибудь штаб. Хотя бы батальонный – где-то же должен быть порядок, кто-то должен, нет, просто обязан бороться с этим хаосом.

...Бричка стояла в распахнутом настежь дворе. Светлыми янтарными ранами зияли пронизанные осколками створки ворот. Билась в построюшках раненая лошадь, пыталась встать, выгибала шею, умоляюще косила глазом. Совершенно пурпурный глаз. Станным носовым платком валялась у лошадиной шеи ситцевая наволочка, пропитывалась кармином. Андрон расстегнул тугий клапан кобуры, достал револьвер. «Щечки» нового «нагана» неприятно кололи ладонь. Лебедев сделал два шага к несчастному животному. Видимо, нужно в ухо стрелять. Кажется, читал где-то. За воротами валялись вещи. Дорожная корзина, еще одна... Лежал кто-то... светлая праздничная ткань на спине в ярко-алых брызгах. Андрон попятился...

Он шел по улице, сжимая в одной руке револьвер, в другой фуражку. В лицо вновь несло гарь, в уши, словно через вату, пробивался винтовочный треск, торопливые хлопки танковых пушек. Оглушило, наверное...

Нет, слышал. Рядом возник боец с винтовкой наперевес:

– ...отбили, товарищ политрук. Отошел немец. Скажите, чтоб... и патронов... они... полезут... Патронов...

– Да-да. – Лебедев развернулся, стремительно зашагал обратно.

К штабу, нужно обязательно к штабу. Там тыл, там тише.

Огороды... Картофельная ботва, растертая гусеницами. Горел танк – башня развернута к дому – 45-миллиметровая пушка смотрит в стену, словно из несчастного домишки и прыгнула смерть к машине. Дальше дымил еще один «Т-26». Третий танк прятался за полуразрушенным сараем – часто бил из пушки. Лежали под стеной люди. Трупы...

...Пятился, оглушительно рыча, огромный «КВ-2», волок на тросе легкого младшего товарища. Что-то взвизгнуло, ударив по башне «Ворошилова» – мелькнули бледные искры. Тяжелый танк даже не дрогнул – ответил длинной пулеметной очередью...

...Налет вроде бы кончился, но встать Андрон не мог. Просто не мог. Сжимая голову руками, сидел в пыльной тени. От сотрясений бомбовых разрывов поленница рассыпалась: в дверном проеме сарая кружило облако золотистой пыли. Ангельский смерч. Такого никогда не нарисовать. Андрон крепче сжал голову – кольцо в рукояти «нагана» больно давило в щеку. Вот так с ума и сходят. Нет, это не то возвышенное и благородное безумие вдохновения. Мерзость кровавая, бессмысленная...

Ведь это ошибка, правда?! Не может ранимый, тонко и болезненно чувствующий мир талантливый человек гибнуть так бессмысленно. Не должен. Ошибка это. Чудовищная ошибка.

Андрон хотел сказать пыльному искрящемуся столбу и солнцу, прячущемуся за грязным дымом, что ошибся. Сам ошибся. Практически напросился. Нельзя было сюда, в это Сенно проклятое, ехать. Ну никак не должен был здесь оказаться младший политрук Лебедев. Эта бойня, беспорядочная и самоубийственная, к культмассовой работе, к политической подготовке бойцов и командиров вообще не имеет никакого отношения.

* * *

...Жизнь вообще была очень несправедлива к Андрону Лебедеву. Еще тогда – в 1909 году. Нельзя было тогда родиться. В тусклой Гатчине, под стальными унылыми небесами, в глухое время. В революции поучаствовать не успел, гордиться нечем, социальное происхождение неопределенное. Отец из мелких служащих, даже не погиб, просто сгинул в 14-м, еще до мобилизации. Ну, не на что опереться. Два года гимназии. Всего два! Ни благород-

ной латыни, ни греческого, ни классической мифологии. Да, пусть все это пережитки. Но для художника они важны, необходимы. Как это можно не понять?!

Мать, суровая, малообразованная женщина с крупными и неизящными руками. Нечуткая, молчаливая, заботящаяся лишь об обедах и ужинах. Жили трудно. Не голодали, но трудно, трудно... Андрон старался не обращать внимания. Только позвольте рисовать, не трогайте, не отвлекайте! Карандаши, первые опыты с акварелью. Вечные поиски приличной бумаги, кистей, потом драгоценных красок. Исаак Карлович утверждал: «удивительно талантливый мальчик». Лидия Амвросиевна повесила этюд у себя в столовой. Но за каждый альбом, за каждый учебник приходилось бороться. Со слезами, унижаясь, выпрашивая.

Вокруг беспорядочно воевали. Перевороты, какие-то дикие люди, стрельба ночами...

Власть установилась. Открылся художественный кружок. Мать сказала: «иди, они пока бесплатно учат». Бесплатное не может быть хорошим, но Андрон стиснул зубы, пошел. Сопливые неумелые дети, никогда не державшие в руках хорошую кисть. Педагог, почти ослепший, замшелый, работавший за жалкий паек. Но давали бумагу, иногда краски... В школе оформлял стенгазету. Сверстники посмеивались, но не трогали. Художник... Всё-таки ценили.

Считался сочувствующим. Сколько плакатов, сколько лозунгов написано и нарисовано. Рассчитать количество букв, вывести белилами по кумачу очередной призыв не так уж трудно. Скучно, но необходимо. Паек, краски, поездки в Ленинград. Открывались музеи. Рисовал аллеи парков, Часовую и Сигнальную башни. Тоже скучно, но это ведь школа, художник обязан...

Наконец, пошел поступать. «Слишком вторично. Вы даже не копируете, вы перерисовываете, юноша. Вы трудолюбивый копиист. Едва ли это можно счесть талантом». Андрон вышел из дверей института в полнейшем недоумении. Что они хотят сказать? Что он не художник? Да кто вообще сидит в этой приемной комиссии?!

Работал в клубе. Оформление, праздничные лозунги. Хороший приварок давали афиши. Повторно поступал в художку на следующий год. Провалился. На этот раз без объяснений. Просто не зачислили.

Снова клуб. Декорации. Оформление юбилея Октября. В горкоме были довольны. Мать настаивала: иди в ячейку. Она была права. Пусть по-мещански, грубо, цинично, но абсолютно права. Они все одного не понимали – истинной цены Таланта. Да, Андрон был художником. С правом на юродство, на претензии, на закидывание, на высокомерие и легкое сумасшествие. И даже на долю эгоизма и человеконенавистничества в моменты вдохновения. Но художник, а не рабочий на кумачовой ленте. Какой бы ни был, пусть непонятый и непринятый, но художник!

В ячейке оказалось много работы. Комсомольцы были странными людьми, отчасти такими же слегка безумными, как и он, хотя и откровенно бесталанными. Андрон приходил домой за полночь, полуголодным. Но были перспективы, были! И материалов хватало – горком уделял должное внимание наглядной агитации, краски и бумагу привозили из Ленинграда.

В третий раз Андрон пришел на Университетскую набережную с направлением горкома комсомола и готовым «Нарвским часовым». Картину похвалили, но институт реорганизовывался и мест на факультете не было. Нужно было ехать в Москву, поступать там – обещали дать направление. Андрон представил койку в общежитии, вороватых соседей, пьянки и разврат и ужаснулся. Рисовать без своей комнаты, без приготовленных матерью ужинов было решительно невозможно.

Снова клуб. По ночам, до утра, рисовал. Днем приходилось работать, организовывать, политически самоподготавливаться. Собственно, запоминать передовицы газет было несложно. Выступал на митингах, говорил четко, грамотно. Копировал стиль Юрцевича – инструктора обкома, с его четкой, сдержанной жестикуляцией, с отмашкой левым кулаком, – получалось ярко. Но все это отвлекало от главного. Пришлось еще взять на руководство кружок

в Доме пионеров. Впрочем, это доставляло определенное удовольствие. Мальчишки ничего не умели, но, глядя на их худые лопатки, на стриженные затылки и тонкие шеи, старательно склоненные над эскизами, Андрон испытывал странное чувство нежности. Мать уже не в первый раз заговаривала о семье. Абсолютно не понимала: муза художника ревнива и не терпит соперниц. Андрон как-то полистал брошюрку Фрейда. Гадость и чудовищные заблуждения буржуазного ученого не на шутку пугали. Но в идее сублимации имелась определенная эстетика. Идея была изящна. В отличие от неряшливых гатчинских женщин и болтливых клубных комсомолок.

Одно время Андрон ездил в Ленинград, на занятия Иосифа Фридмана по теории живописи. Было дико интересно, но там говорили спорные вещи... Опасные. В общем, когда Фридмана арестовали, удивления это не вызвало. К счастью, Андрон уже полгода как прекратил общение с ленинградскими знакомыми и даже успел написать статью в «Красногвардейской правде»⁵. Политики в статье не касался, писал исключительно о «жизнеутверждающей роли прогрессивного реализма». «Я вижу кубизм как антитезу Пролетарскому Творению, как противоположность Духу Революции, как воплощение холодного мещанства и шаблона...» Статью цитировали на совещании горкома комсомола. У Андрона руки холодели от волнения, но все обошлось. «Спортивное утро» и «Опушку у заставы» взяли на выставку в Ленинград. Через полгода Андрон попросил рекомендацию в партию. Мать говорила, что это поможет и в клубе, и в институте. С рекомендациями получилось не так просто, но кандидатскую карточку товарищ Лебедев все-таки получил.

...Сейчас, лежа за бруствером из поленьев, закрывая рот рукавом и слушая близкие разрывы, Андрон осознавал, сколь чудовищную тогда сделал ошибку. Чудовищную! Содрогалась дверь, виляла бесконечная пыль...

...Летом вызвали в военкомат и сказали: «Вы стали кандидатом ВКП (б), мы решили послать вас на курсы политсостава в Витебск. Получите звание младший политрук».

На строевой и физподготовке, в караулах Андрон почти и не бывал. Сидел на занятиях, после обеда рисовал и оформлял клуб училища. Дважды был на стрельбище. Рука и глазомер художника не подводили – зачет по стрельбе получил. Андрон понимал, что командиром не станет. Но военная форма ему шла, ремни ловко стягивали не очень-то спортивную фигуру. Бриджи и гимнастерку подогнал хороший портной. Изящную, на полразмера меньше, фуражку подобрали по знакомству. Курсант Лебедев не узнавал себя в зеркале, в изумлении делал наброски для автопортрета. Но времени катастрофически не хватало...

...Ошибка. Чудовищная ошибка. Спина затекла, синие бриджи заляпались смолой и какой-то гадостью. За шиворотом гимнастерки колосся мусор. Убьют, прямо здесь убьют. Среди поленьев и старых, но все еще воняющих солеными огурцами кадок. А если не убьют, то в плен попадать нельзя. Не еврей, но... Немцы – дисциплинированная нация. Дюрер, Аахен, даже полуфламандец Рубенс с его отвратительными бабами – все-таки великие художники. Но если у немцев действительно существует приказ ликвидировать комиссаров на месте... Лучше самому застрелиться. Или насчет приказа лишь большевистская пропаганда?

На окраине чуть стихло, Андрон заставил себя разогнуться, достал из сумки блокнот. Но написать прощальное письмо не получилось – грифель ломался – так дрожали руки. Немецких бомбардировщиков не было, мучительно хотелось есть и пить...

– ...Как там у озера?

– Нормально. Отступать не станем. – Андрон хлебал остывший, но вкусный суп, отламывая кусочки хлеба от огромной мятой ковриги. Вообще, принимать пищу с рядовым составом

---

⁵ С 1929 по 1944 год Гатчина называлась Красногвардейском.

из одной посуды не полагалось, но котелка у политрука Лебедева не было, да и кушать хотелось непереносимо.

Бойцы сидели в дворике среди пустых ящиков и осколков разбитых взрывной волной оконных стекол. Полевой кухни не было, но стояло несколько ведер с остатками обеда.

– А вы, товарищ младший политрук, вон как форму блюдете, – заметил младший сержант, облизывая ложку. – Это правильно. Я вон своим башибузукам говорю...

– Мы – воины Красной Армии. – Андрон машинально пощупал застегнутый ворот гимнастерки. – Необходимо за собой следить, товарищи.

– И я ж говорю, прям махновцы какие-то, – согласился болтливый младший сержант.

Красноармейцы, многие в разодранной форме, некоторые с закатанными рукавами, полурасстегнутые, с грязным, выставленным напоказ нижним бельем, сосредоточенно звякали ложками. Пулеметные очереди с окраины казались отзвуком этого ритмичного звона. Андрон осознавал, что нужно что-то делать. Найти штаб, оттуда наверняка уходят машины в тыл. Нужно уезжать, возвращаться к месту постоянной службы, в Старую Обаль. Ну, зачем танковой дивизии еще и «наган» младшего политрука Лебедева? Оттянут конец дивизии тринадцать револьверных выстрелов? Быстрее вернуться, по памяти набросать сцены пекла боя...

Штаб полка располагался где-то у складов – минометчики указали направление. Но до штаба Андрон опять не дошел...

...Налетели немцы – Лебедев бежал прочь от разрывов бомб, земля вздрагивала под сапогами. Нужно было залечь, обязательно залечь, но лучше где-то подальше. Пылали сараи, мелькали смутные фигуры среди дыма и зелени изломанных яблонь. Андрон выскочил к корме танка – «Т-26» вяло дымил, броня стала черной. Мелькнула мысль залечь под броневым прикрытием – но вдруг по танку снова начнут стрелять? Дальше по дороге стоял еще один танк – незнакомый Лебедеву, стального цвета, с распахнутыми люками. Андрон в нерешительности остановился, озираясь. За поваленным плетнем виднелись ямки-окопчики, яростно махал, что-то указывая, залегший красноармеец. По закопченной броне звякнуло, Андрон с опозданием расслышал короткую пулеметную очередь, присел под защиту гусеницы, совершенно не понимая, откуда стреляют. Надо бы на другую сторону дороги перебраться – там сад погуще. Осторожно высунул голову – обзору мешало что-то темное, свешивающееся на скошенный лоб танка из люка механика-водителя. Андрон в приступе абсолютно неуместного профессионального любопытства попытался сформулировать необычную гамму: газовая сажа с прожилком багряного кадмия? На обугленный манекен похоже. Размером с подростка, руки с маленькими кулаками по-боксерски к груди подняты. Запах...

...Несколько пришел в себя Лебедев, лежа за грудой кирпича. Помнилось, как бежал по улице, мелькали дома, свистели пули. Кто-то прятался за углом дома, что-то кричали, останавливали. Снова стреляли...

Здесь между кирпичами и глухой стеной котельной было тихо. Тошнить уже было нечем. Андрон отодвинулся от лужи – кисловатый запах супа был непереносим. Перевернулся на спину: по небу, заслоняя нежно-бирюзовые облака, неслись клочья дыма. Желудок сжало – Андрон со стоном прижал руку к животу. Нужно прекратить. Просто невыносимо. Это не война. Это... невыносимо. Верещагин был старым, выжившим из ума, бородатым дураком-романтиком.

Андрон потер лоб – кровь. Когда тошнило, о кирпич стукнулся. Столбняк можно подцепить. Фуражку хотя бы... Фуражка, как ни странно, уцелела. Лебедев дотянулся, принялся счищать с тульи брызги рвоты. В узкий проход за котельной ввалился боец, хрипло, загнанно дыша, прислонился к стене, вскинул было винтовку в сторону лежащего Лебедева, опустил:

– Ранило, товщполитрук?

- Контузило. О камни ушибся.
- Так замотать нужно. Тут рядом...

Голова действительно кружилась – Андрон не врал. Стоило вспомнить тот запах... Наспех наложенная повязка стягивала лоб. Присохнет наверняка. И голова болела все сильнее. Во дворе стонали и мучились, успокаивая раненых, матерился фельдшер. Бойся. Тут все боится. Санитарный автобус ушел – грузили почему-то только тяжелых. Смысл? Все равно умрут по дороге. Будет ли следующая машина для эвакуации, неизвестно. Город окружен. Практически окружен...

Во дворе закричали. Это тот стрелок с раздробленным коленом. Андрон встал и, пошатываясь, пошел вдоль забора. Нужно в штаб. Там наверняка машины будут. Вывезут.

- ...Ранен?
- Контузия, товарищ капитан!
- Ничего, молодцом держишься. До свадьбы заживет. Бери пакет, до мотоциклетного батальона проскочишь. От них связной здесь, да боюсь, схитрит, скажет, что пробиться не смог. Проконтролируешь, политрук.
- Товарищ капитан...
- Проскочите. Тут рядом, если без нервов. Выполнять.

Пакет никакой не пакет, а записка на четвертушке листа. Андрон сунул ее в карман гимнастерки, полез в коляску «ТИЗа»⁶. Сержант-мотоциклист глянул испытывающе:

- Не растрясет, с головой-то?
- У нас приказ, товарищ сержант.
- Так понятно. Через маслозавод попробуем?
- Я на том краю не был. Главное, на фашистов не наскочить. У нас приказ...

Трясло немилосердно. Андрон держался за люльку, смотреть по сторонам не мог. Улочки, пожары, развалины...

- Не, здесь не проскочим. Вон как лупят. По параллельному проулку рванем? А потом садами? – прокричал мотоциклист.
- Давай...

Лебедеву было плохо. Голова болела от тряски, оттого, что приближались к пулеметной трескотне. Сожгут. Прямо в коляске сожгут. Останется сидеть черная грубая кукла. Будет вонять мясом пережаренным.

Андрон коротко и больно сблевал на пулеметный вертлюг.

- Товарищ лейтенант?!
- Стой. Сознание теряю. Высаживай, в глазах совсем темно, не вижу ничего. Потом заберешь. Приказ... – Лебедев полез в карман.

Мотоцикл, стреляя сизым дымом, укатил туда, где совсем не выхлопы стреляли-трещали. Андрон обессиленно сидел в пыльной лебеде. Сержант заберет на обратном пути. Надо будет сразу в санбат. Да к черту иллюзии, не будет сержант сюда заезжать. Гадина! Что ему чужой младший политрук? Да и просто забудет. Или убьют сержанта.

Сидеть было бессмысленно. Шальная пуля. Или бомба. У немцев в воздухе полное превосходство. Что хотят, делают. Это поражение. Полное поражение и разгром, дивизия тает, истекает кровью...

---

⁶ Мотоцикл «ТИЗ АМ-600». Производился на Таганрогском инструментальном заводе.

Смеркалось. Андрон лежал на старом сене, скрючившись и обхватив живот руками. Желудок крутило от голода. И от контузии, наверное. Папиросы давно кончились. Андрон сквозь прореху в крыше дотянулся, сорвал три недозрелых яблочка. Сарай брошенный, никто не наткнется. Но нужно что-то делать. Накрапывал дождь. Бомбежки, наверное, уже не будет, стрельба на окраинах стихает. Возможно, немцы уже в городе. Сдаться? Нет, лучше смерть! Все равно ведь могут расстрелять. Звезда суконная на рукаве, коммунист. Понимают ли немцы разницу между кандидатом в члены партии и членом партии? Вряд ли. Нельзя рисковать. Андрон Лебедев талантлив. Мало кто способен осознать, как истинно уникален и ценен подлинный Художник. Что они вообще понимают?! Одинаковые, как набор оловянных солдатиков. Воображающие, что искусство это лубок, растиражированный бездушным офсетом. Шаблонный сюжет и шаблонные персонажи, напрочь лишённые глубины, – как же это гадко и глупо. Аляповатые цвета, непроработанная техника, употребленные вкривь и вкось приемы, нарушенная композиция, отсутствие понятной, человеческой идеи, порнография в виде этого страстного потакания газетной бесстыдной плакатности – вот признаки чудовищно плохой живописи...

Тихо снаружи. Нужно что-то делать. Андрон поправил бинт на голове, нашарил фуражку. Нельзя здесь подышать. Уже понятно, что война скоро кончится. И Андрон Лебедев – человек и Художник – не имеет права околевать, как собака.

Из-за плетня Андрон видел, как по улице прокатилась повозка, за ней шли усталые красноармейцы. В сумраке белели бинты, но некоторые из бойцов были с оружием. Значит, не пленные. Следовательно, немцев в городе нет. Нужно идти к штабу, как-то объяснить. Вывезут...

Андрон застонал сквозь зубы. Стоит наткнуться на того капитана, и трибунал. Приказ не выполнил, самовольничал. Но ведь контузия. Контузия – смягчающее обстоятельство. Был не в себе, потерял сознание. Хотя в госпитале комиссия может не поверить. Но ведь есть контузия, есть! Должны вывезти...

До штаба Андрон не дошел. На перекрестке наткнулся на груды вещей – видимо, с машины или подводы в спешке сваливали. Узлы, чемоданы, швейная машинка. Кажется, чуть дальше лежал труп. Гражданский какой-то. Лебедев собрался обойти мертвеца подальше, но тут ноздри уловили запах съестного. Андрон нагнулся, инстинктивно втягивая ноздрями дразнящий запах. За домами взлетела ракета, озаряя белым светом верхушки деревьев. Сидя на корточках, Андрон огляделся – никого. Раскрытый чемодан, какое-то тряпье... Корзинка... Какая-то скотина уже успела помародерствовать: от скомканной газеты пахло исчезнувшей жареной курицей, бутылка с подсолнечным маслом была разбита. Лебедев опустился на колени, отбрасывая тряпье. Есть! Мягкие, но приличные вареные яйца, сплюснутая булка, что-то сладкое и липкое – это нужно в тряпку завернуть. Бутылка... молоко!

...Отяжелев от еды, Андрон задремал. Под дерюгой было тепло, слегка пахло собачьей мочой, но самого пса во дворе, к счастью, не было. Наверное, бомбой убило. Дом лежал в руинах, зато сарай уцелел, за дровами было спокойно. Несло гарью, но вовсе не тем утренним ужасом.

* * *

Проснулся от грохота – по улице ползли танки. Вскочил, успел разглядеть: свои, советские. Похоже, перегруппируются. Здорово – значит, город удержали. Может, и не все кончено? Нет, надо к штабу идти.

Хотелось пить, курить и, наконец, покинуть разрушенный город. Андрон потянулся к паре яиц, отложенных на завтрак, и содрогнулся: рядом с дерюгой валялись женские панталоны с огромным кровавым пятном. Тьфу, черт, – это же то вишневое варенье, что вчера из корзины начерпал. Да, молока было маловато, во рту до сих пор все от сладкого слиплось...

Умываться пришлось у пробитой осколками бочки, неудобно перегибаясь через край. Вода пахла болотом, но Андрон не выдержал, напился. На окраинах снова грохотало, видимо, немцы наступали. Ладно, тот капитан наверняка там, на позициях. Нужно идти к штабу.

Наверное, от дурной воды сильно скрутило живот. Лебедев долго страдал, сидя на корточках, и даже во время налета пикировщиков ничего не мог с собой поделывать. Впрочем, немцы отбомбились по окраине.

Дерюгу пришлось отодвинуть в другой угол. Андрон лежал, чувствовал, что умирает, и смотрел на корявые кроличьи клетки. На некоторых еще виднелись присохшие шерстинки – трепетали от далеких разрывов. Да, жизнь мимолетна. Но человек не животное. Талантливый человек оставляет после себя свои мысли и свои картины. Уходит в вечность. Андрон повернулся на спину и сказал щелям в низком потолке:

– Я признаю за человеком право жить счастливо, верить в то, во что он захочет, мыслить так, как он захочет. Но не признаю права на дурное, оскорбительное искусство. Слышите вы все?!

Держась за живот, Андрон встал, брезгливо взял измазанные панталоны и зашвырнул за клетки – женское белье его пугало с детства.

К штабу Лебедев решил вернуться дворами. В одном из дворов окликнула непонятно откуда выбравшаяся девчонка:

– Ой, товарищ командир, та шо там деется-то?

– В погребе сидите? – мрачно спросил Андрон. – Вот и сидите дальше. Не мешайте Красной Армии бить фашистского зверя.

По улице двигались бойцы, катились машины – подразделения отходили к восточной окраине. Все разодранное, мятое, битое, жалкое. Расхристанные красноармейцы, бредущие едва ли не толпой. Пролязгал огнеметный танк – за башней лежали, чудом не падая, раненые. Снова бойцы, матерящийся старший лейтенант. На грани паники: всё – не удержат город.

Андрон нервничал, но выйти не решался. Момент нужен...

Десятка два красноармейцев, растянувшись, брели по улице, впереди пулеметчики волочили «максим». За перекрестком лопнул разрыв мины, бойцы оглянулись, шедшие сзади перешли на рысцу.

Андрон расстегнул кобуру «нагана» – пальцы дрожали. Нет, нужно выйти. Возможно, последний шанс уйти от фашистов.

Младший политрук Лебедев перевалился через забор в проулок, поправил фуражку и, стараясь ступать твердо, вышел наперерез к отступающим.

– Стой! Приказ отходить был? Кто старший?

Шедшие впереди приостановились. Смотрели на бледного политрука с перевязанной головой.

– Да убило лейтенанта. А приказ отходить был, – пробормотал один из пулеметчиков. – Там танкисты прикрывают. Ихний капитан и приказал...

– Приказ был на отход! В Красной Армии отход – мера вынужденная и сугубо временная, – Андрон старался говорить решительно, помогая себе сдержанной жестикой – эта мужественная короткая отмашка левым кулаком сверху вниз смотрелась крайне убедительно. – Товарищи красноармейцы! Приказываю принять достойный вид. Гражданское насе-

ление должно запомнить нашу героическую армию, а не анархическую толпу вояк. Подтянулись, в колонну по два, становись!

Постукивали по булыжнику колеса пулемета, топали ботинки и сапоги. Андрон шагал сбоку. Хотел приказать «подобрать ногу», но не стал. Оборванные, измученные, отупевшие – какая уж тут дисциплина? Но все равно – проигравшая армия, все равно армия. Эстетика трагической гибели, о ней можно бесконечно спорить, но как трудно будет ее рисовать...

На площади у церкви стояло два танка, пушечный броневик, связисты торопливо забрасывали в кузов полуторки катушки с проводом. Андрон подвел свой отряд к танку, вскинул ладонь к фуражке:

- Товарищ майор, согласно приказу...
- Понятно, политрук. Всех увел?
- Всех, кого собрали. Там танки прикрыли...
- Сажай своих и выдвигаемся...

В кабину не посадили, пришлось лезть в кузов. Было тесно, Андрон с трудом устроился подальше от обугленного борта. Поехали. Бойцы молчали, скрипела и тархтела переполненная полуторка, да иногда матерился кто-то из стоящих на подножке связистов.

Выскочили за город. Сзади шел танк, заслонял домишки, дымные столбы пожаров. У Андрона защемило сердце – еще недавно этот патриархальный городок был так живописен. И Гатчину вот так напрасно сожгут, и Ленинград. Нужно будет сделать ночные наброски. Решетки Летнего сада на сочно-алом фоне пожара, пробитый купол Исаакия...

Короткая колонна остановилась. Проскочил вдоль обочины мотоцикл. Кричал что-то сквозь рычание танкового двигателя майор. Потом на колесо полуторки вспрыгнул чумазый танкист:

– Там хуторок справа. Перевязочный пункт был развернут, раненых вроде эвакуировали. Но разведчик говорит – оставили там кого-то. Бери, политрук, двух бойцов, проверьте.

– Товарищ лейтенант, так у меня приказ комендатуры... – растерянно начал Андрон.

– Ух ты, самой комендатуры?! Сейчас комбату так и доложу. Он твою комендатуру... – Танкист ткнул пальцем в двух ближайших бойцов. – Ты и ты – с политруком. Живей давайте, а то не догоните.

Не помня себя, Андрон спрыгнул на дорогу. Побежал к командирскому танку – сидящий в люке майор махнул рукой, указывая направление:

– Действуй, политрук. Ты парень надежный. Транспорт там есть. Если что, в направлении Богушевска отходите...

БТ взревел, дернулся вперед. Ошеломленный Лебедев отшатнулся от полетевшей грязи. Колонна прошла, и Андрон увидел двух бойцов, стоящих на обочине...

* * *

...Танк неизвестного Андрону убитого батальонного комиссара Савченко остался за спиной.

– Бегом! – прохрипел Лебедев.

Бойцы перешли на рысцу, политрук с трудом успевал за ними. Измотался за эти дни. Легкие разрывало, чуть заметный подъем к хутору отнимал последние силы. Но остановиться, задержаться было еще страшнее. Тогда своих совсем не догнать. Собственно, свои-то уже списали политрука Лебедева. Ну, какие сейчас раненые?! Живых спасать нужно.

Пустынный проселок, поодаль строения, большой выбеленный дом, широкий двор...

Бойцы с винтовками на изготовку шли впереди, Лебедев выцарапал из тугой кобуры «наган»...

Запряженные лошади зафыркали, потянулись к людям. Обе подводы стояли в тени деревьев, на соломе лежали неподвижные тела.

«Убитых бросили, – с облегчением подумал Андрон. – Это ничего. Вон их сколько, незахороненных».

Донесся протяжный стон.

– Твою ж мать... – сказал Седлов. – Калеченых эти ироды все ж оставили, чо им, харям клистирным ё...

– Прекратите, – Андрон озирался, пытаясь понять, что же сейчас делать. – Поймите, матерщина – пошлый пережиток прошлого. Брань уводит советского человека от мысли, всё размывает и пачкает.

– Понятно. Потребно хату проверить, – деловито сказал сержант Барбута.

– Давайте. И не возиться, – приказал Андрон, стараясь не смотреть на лежащие на подводах тела. Танкист в полусгоревшем комбинезоне явно мертв, остальные наверняка обречены.

Бойцы тяжело потопали к дому, Лебедев пошел следом. Под ногами валялись грязные бинты, у дверей стояли носилки с огромным кармазиновым пятном. Вспомнилось варенье на панталонах – во рту стало отвратительно сладко. Андрон глянул в сторону колодца. Воды бы холодной, чтобы зубы заломило...

Внутри не пошел, стоял на крыльце. Из двери пахло отвратительно: грязью и мочой, кровью и лекарствами. Бойцы завозились, было слышно, как скрипит дощатый пол под тяжелыми шагами крупного Барбуты.

Андрон думал, что рисовать этот пыльный двор с брошенными подводами, глистами мертво извивающихся рыжих бинтов и пустой собачьей конурой нет смысла. Художнику должны быть дороги его образы, его мысли. Художник ради этой красоты мыслей и мазков и работает.

– Да скоро вы?! – не выдержал Андрон, стараясь смотреть исключительно на колодец с валяющимся рядом ведром. Вроде целое, приказать зачерпнуть, фляги у бойцов на ремнях...

– Здесь мертвые тока, – глухо сказал изнутри Седлов. – Бросили хлопцев. Та и документы с лекарствами покидали...

Какие там еще документы?! Андрону хотелось выругаться. Очень грубо. Никогда не матерился, но сейчас война. Нельзя здесь оставаться. Опасно. Есть такое предчувствие. Сгрузить с подвод мертвых, пусть хуторяне похоронят, когда вернуться. На лошадях будет быстрее. Вот куда живых раненых деть? Барбута определенно доложит. Смотрит волком, увалень хохлацкий. Нет, раненых придется везти. Воды набрать и ехать. Бойцы с телегами должны управиться...

Вышел Барбута с пачечкой каких-то листов с печатями, Седлов нес коробку с упаковками лекарств:

– Ампулы. Мне в госпитале уколы тыкали, так...

Барбута ткнул товарища локтем:

– Замри!

Андрон обратил внимание на треск. Мотоциклы. Это хорошо. Разведчики, вероятно, возвращаются. Можно к ним подсесть. Передать команду Барбуте, раненых пусть сами довезут...

– То с поля, – пробормотал Барбута.

Андрон отлетел к стене от толчка сержанта, но не успел возмутиться. Массивный Барбута подпрыгнул, подтянулся и оказался на козырьке крыльца. Глянул на дорогу:

– Немцы!

Андрон понимал, что немцев там никак не может быть. Они же еще в город не вошли. Откуда здесь немцы?

– Прекратить панику!

Барбута тяжело спрыгнул вниз:

– Что делаем, политрук?

Андрон не мог вымолвить ни слова. В просвете за садиком промелькнул мотоцикл, разглядеть его было трудно, но холодом окатило – чужой! И не от развилки они движутся...

– В дом! – выдохнул Лебедев.

Толкаясь, ввалились внутрь. Андрон мельком увидел лежащие на носилках трупы, перевернутый стол. Под ногами скрипели рассыпанные таблетки. Барбута прыгнул к окну, прячась за косяком, проверил патронник винтовки.

– На верняк их подпустим, а, политрук?

– Конечно, конечно, – прошептал Лебедев, пятясь от двери.

Двигатели мотоциклетов трещали уже во дворе.

«Проскочат, – решил Андрон. – Обязательно проскочат. Это разведка. Мы им совершенно не нужны».

Седлов, целясь в окно, уперся боком в буфет с распахнутыми дверцами – звякнуло треснутое стекло дверцы.

– Тихо ты! – шикнул сержант.

– А я чо...

– Вторую машину берешь. Я – по первой. Пулеметчика бей. Командуй, политрук.

Сквозь полуприкрытую дверь Андрон видел головной мотоцикл – стрекочущая машина притормаживала. Сидели на мотоцикле двое: серые, в глубоких стальных шлемах, в очках-«консервах». Проезжайте, ради всего святого, проезжайте!

Остановились. Сидящий за рулем тощий немец поднял на каску очки. Смотрел на подводы с ранеными. Лошадь, обеспокоенная стрекотом моторов, мотала головой. Сидящий в коляске немец – пулемета у него не было, на вертлюг упирался ствол винтовки – оглянулся. Треск двигателей мешал слышать – Андрон, вполне удовлетворительно учивший немецкий в школе, не мог разобрать ни слова. Немец начал подниматься из коляски...

– Ну, же! – зашипел Барбута. – Подставились...

– Не стрелять! – неожиданно для себя приказал Андрон. – Раненых погубим.

Сержант, не опуская винтовку, обернулся:

– Ты шо, лейтенант?! Они ж...

– Приказываю не стрелять! – Андрон понимал, что прав. Напасть, выстрелить – значит спровоцировать ответный огонь. Подойдут еще немцы, ворвутся, расстреляют на месте. Немцев вообще нельзя убить. Нет их, фашистов, мертвых. Андрон за эти дни ни одного мертвого оккупанта не видел. Только советских. Нельзя врага напрасно злить.

Немец-стрелок, морщась и разминая поясицу, шел к подводам. Сейчас взглянет и дальше поедут. Немец тронул стволом винтовки тело, лежащее на телеге, перешел к следующей повозке. Обернулся, что-то крикнул своим. Ему ответили. Немец пожал плечами, вскинул винтовку. Сухо стукнул выстрел, дернулось тело раненого...

Один из раненых шевельнулся, пытаясь приподняться. Немец покачал стальной головой, передернул затвор. Выстрел...

Андрон видел лицо фашиста: осунувшееся, в щетине. Лет тридцать пять. Grimаса человека, делающего вынужденную и неприятную работу. Выстрел, еще один...

На Лебедева смотрели бойцы. Седлов изумленно поднял белесые брови, Барбута щерился...

– Товарищи, рядовые немцы одурачены коварным Гитлером. Они... – Горло перехватило, Андрон не мог сказать ни слова. Надо было воды попить.

– Сука ты, лейтенант, – сказал Барбута.

Они отвернулись к окнам, одновременно вскидывая винтовки. Понимая, что сейчас произойдет непоправимое, Андрон присел, прикрывая голову...

Все случилось мгновенно. Щелкнули два выстрела, и через миг по дому открыли ответный огонь. Андрон руками и «наганом» прикрывал затылок. Снаружи стучали пули, стрекотал автомат, лежал у мотоцикла убитый немец, рвала повод перепуганная лошадь, ударялась о колесо рука мертвеца на телеге. Ухнула граната, сыпались остатки стекол...

Война безжалостно убивала художника Андрона Лебедева.

...Андрон кричал, каким-то чудом успел отползти за перегородку, подальше от влетевшей в дверь гранаты с длинной ручкой. Оглушительно взорвалось, упал буфет, на Андрона тоже что-то упало – было очень больно. Седлов исчез – кажется, убежал к заднему окну, выпрыгнул в сад. Барбута сидел под подоконником, очень медленно вталкивал в магазин патроны. Лицо его было окровавлено, черные капли барабанили о подсумки на ремне. Закрыл затвор, начал подниматься...

Как это глупо. Немцы бы уехали, непременно бы уехали. Теперь убьют. И все потому, что сержант не выполнил прямой приказ старшего по команде. Такое своеволие в военное время карается по закону военного времени. По закону жизни. Мерзавец...

«Наган» поднялся сам собой. Андрон был уверен, что не нажимал спуск. Само получилось. Как-то легко. На широкой спине сержанта появилась дырочка. Очень маленькая. Это случайно.

Брякнула о пол винтовка, сержант уперся лбом в подоконник, замер...

– Я не виноват, – сказал Андрон окну. Солнечный свет яркими бриллиантовыми искрами играл на гранях разбитого стекла. Очень хотелось жить.

Стукнула о простенок пуля. Андрон ахнул и принялся сдирать с рукава нашивку. Алая, вышитая канителью, звезда ногтям никак не поддавалась. Не успеть с обоих рукавов сорвать. Да и заметно будет. Бывший младший политрук Лебедев лихорадочно расстегнул ремни, скинул гимнастерку. Опомнился, схватился за карман – кандидатскую карточку нужно сжечь. Снаружи коротко простучал автомат – одна из пуль ударила в оконную раму.

Глядя на торчащие из крашеного дерева щепки-занозы, Андрон отбросил ком гимнастерки, подальше оттолкнул сапогом «наган» и закричал:

– Не стреляйте! Я художник!

Господи, как же это будет по-немецки?!

В дверь ударили ногой, возникла темная фигура с вскинутой винтовкой.

– Не стреляйте! Ой, мама! – Сидеть на корточках с поднятыми руками было неудобно. Андрон плакал, мочился и удивлялся тому, что в последний миг жизни вспоминает мать. Да что она сделала для сына, уродка полуграмотная?!

* * *

– Господин обер-лейтенант, я искренне! Сознательно. У меня советская власть отца отняла.

– Понимаю, понимаю, – переводчик говорил по-русски очень хорошо, хотя и с акцентом. Наверное, прибалтийским.

– Я – художник! Меня... мои картины на выставки не брали. По социальному происхождению отвергали... – Андрону казалось, что ему верят. – Я преклоняюсь перед немецким культурным гением. Немецкая художественная школа... о, ваши художники гении! Я мечтал учиться в Германии... Я могу быть полезен. Плакаты, листовки, наглядная агитация...

– О, вы истинный русский интеллигент. Полагаю, немецкое командование найдет должное применение вашему опыту и таланту. – Обер-лейтенант смотрел с неприязнью.

Брезгует. Бриджи Андрон замыл в канаве, и пятна почти не было видно. Господин переводчик просто устал. Пленных много, но ведь талантливый художник среди этой массы очевидное исключение. Не может быть, чтобы образованный европеец этого не понял.

– Господин обер-лейтенант, я буду рисовать во имя фюрера и великой Германии!

* * *

Рисовать Андрону Лебедеву, в общем-то, не пришлось. В августе месяце он вновь стал младшим политруком и вместе с двумя такими же «окруженцами» ушел в неприветливые белорусские леса. Данный в разведшколе псевдоним «Ластик» не нравился Андрону, и вообще было очень страшно стать агентом. Но, к счастью, связные от хозяев приходили не часто. А если приходили, то часто не возвращались к немцам. Андрон был осторожен. Талантливый человек талантлив во всем – выбрать момент и аккуратно убрать агента-связника вполне возможно. Приходилось действовать по обстоятельствам. В 42-м Андрон удачно сдал хозяевам группу лейтенанта Семсина, потом связь прервалась. Андрон напряженно работал в политотделе отряда: регулярно выпускали газету «Партизанская звезда», печатали сводки. Было тяжело, бригада попадала в блокаду, мучил голод и авитаминоз. Несколько раз казалось, что всё кончено – убьют. Андрон-Ластик даже не был уверен, что сможет вовремя сдать. Немцы зверствовали, все вокруг погрязло в первобытном варварстве, дикости и злодействе. Андрон выступал на митингах в деревнях, агитировал подниматься на борьбу с оккупантами-палачами, оттачивал «рубку» левым кулаком. Весной от хозяев вновь пришел связной, пришлось сдать группу подпольщиков в Толчине. Убрать проклятого связного удалось лишь летом. Почти год Андрон жил спокойно. Правда, комиссар бригады выдвигать Лебедева вверх упорно не хотел. Из обкомовских был комиссар – они, суки, чуткие, подозрительные. В сорок третьем, после «рельсовой войны», Лебедева все-таки представили к «Красной Звезде», но на Большой земле награду не утвердили – «прямого участия в операции не принимал». Сволочи штабные, что они там понимают?! Было обидно.

Весной 44-го Андрон начал нервничать. Все вроде шло нормально. Газета выходила, временами старший лейтенант Лебедев принимал участие в кратких боевых, а чаще хозяйственных операциях. На митинге в Омороках, перед казнью старосты и троих полицаяв, выступил очень хорошо. Сам начштаба соединения руку жал.

Но фронт приближался. Лебедев был чист – в окружение попал, но вышел к партизанам с оружием и подлинными документами, привел двух бойцов. Честно воевал, регулярно и толково проводил политзанятия, а то, что на боевые задания и ликвидации редко ходил, так ведь контузия после бомбежки, еще с 41-го. Правым ухом почти и не слышал.

Все будет хорошо. Если бы еще точно знать, что красноармеец Седлов тогда от хутора далеко не ушел. Если бы быть в этом уверенным. Талантливый художник – человек ранимый, крайне чувствительный.

Глава первая

Вводно-техническая

Москва.

6 июля 201? года. 7.30

Новенький зеленый троллейбус бодро катил по набережной. В салоне было просторно: всего шестеро пассажиров, считая и крупного спортивного молодого человека, сидящего на сиденье у средней двери.

Вообще-то Валерий себя «молодым человеком» не считал. В конце концов, на службе давно по отчеству зовут, четвертая звездочка на погон уже неделю как упала. Начальник отдела, пусть и временно исполняющий обязанности. Да и рост метр девяносто восемь к определенному уважению вызывает. Ладно, лучше «молодой», чем немолодой. Валерий покосился на брюнетку, только что сдержанно попросившую «подобрать конечности». Ну, кто виноват, что троллейбусы рассчитаны на усредненно-мелкого гражданского пассажира, и спортивный мужчина на сиденье только по диагонали и умещается. «Конечности»... Ну да, 46-й растоптанный. Человек обязан устойчиво на земле стоять. Снежана вот тоже «лапищами» ноги бывшего супруга обзывала...

Настроение окончательно испортилось. Вспоминать о бывшей Валерий жутко не любил. Но как о ней не вспоминать, если Мишка там, с ней рядом? Вырастет сын современной... позитивной личностью.

Валерий смотрел в окно и пытался думать о службе. Не очень получалось – день чересчур летний, солнечный. Смог над столицей развеялся – прошедшие дожди горячие торфяники притушили, бульвар набережной стоял позеленевший-помолодевший. За сутки особых ЧП в столице не было – просевшая Северянинская эстакада не в счет – затухающие отголоски приступа. Пробка на Комсомольском и в лучшие времена случалась. Просто нужно жить в ногу со временем и до места службы добираться общественным транспортом, свои «колеса» оставляя дома.

Период ремиссии. Успокоился мир. Временно, конечно.

Глядя на пустующие скамейки малолюдной Фрунзенской, Валерий подумал, что от Отдела и лично от капитана Коваленко это тоже напрямую зависит: сколько еще ударов выдержит спешно возводимый волнолом обороны? Да, жизнь вновь вошла в спокойную колею, аварий, драк и прочих проявлений Психи практически нет. Люди болеют, умирают и пропадают, как положено – в пределах былой нормы. Но когда бытие вновь взвоят, заскрежешет и пойдет юзом, капитану Коваленко оправдываться будет нечем – не вник, не смог, не выложился.

Валерий Сергеевич Коваленко, не так давно переведенный из Балтийска, ныне командовал ОТЭВ – отдельным транспортно-эвакуационным взводом Отдела «К» и временно исполнял обязанности начальника вышеозначенного Отдела. За последний месяц Отдел дважды пытались передать в новое ведомство, не передали, создали спецроту, расформировали спецроту, закодировали подразделение, присвоив шифр «Колонна 3945», переименовали в банальную отдельную роту с транспортным уклоном, впрочем, не отменив кодового названия. Последнюю неделю Валерий оставлял на бланках электронной переписки оба наименования. Руководство вынашивало грандиозные планы по реорганизации Отдела, и административная мысль бурлила и булькала. По опыту службы было понятно, что непосредственно с и.о. в любом случае особенно строго спросить не успеют, и Валерий благополучно игнорировал львиную долю сыплющихся сверху запросов и требований. Работать по делу тоже нужно успевать.

С «работой по делу» между тем обстояло не очень хорошо. В смысле не с работой, а с ее результативностью. Буксовало расследование. Возможно, потому что в оперативной части

Отдела не имелось ни профессиональных следователей, ни аналитиков, ни штабных работников. Ну, естественно, за исключением прикомандированных консультантов АЧА и штабника Землякова. Хотя и Женька уж скорее полевой переводчик, чем штабной страдалец. Впрочем, подобная ситуация сложилась во всем огромном, перестраиваемом, активно сливающимся и частично поглощающем соседние ведомства организме ФСПП: где-то имелись руководящие кадры без подчиненных, где-то наоборот. Многие предрекали, что родится административный монстр. Собственно, чему тут удивляться? Земля создавала-рожала именно боевого монстра, способного противостоять чудовищному агрессору в небывалом сражении.

Нет, осознать это весьма трудно. Да и не требуется. Валерий знал, что, как бы ни обозвали «Кашку», заниматься и Отделу, и лично капитану Коваленко придется тем же самым – ходить в прошлое.

Валерий уже был Там. Одиннадцать суток в июне 1944 года. Немножко другим человеком вернулся. А может, и не «немножко».

Остановка. Капитан Коваленко выбрался из троллейбуса и неспешно шагал по скверу: руки в карманах джинсов, свободная рубашка прикрывает кобуру пистолета. За последнее время привык к «ТТ», будто и не таскал иного штатного ствола. Кобура, правда, современная, из кордура. Кстати, можно было бы ее и в командировку брать. Хрен с ней, с аутентичностью, всегда можно сказать, что ленд-лизовская, редкого образца.

В командировку очень хотелось сходить. Нет, «хотелось» не то слово. Нужно сходить. Полегчает. Сидеть в Отделе, пытаясь что-то анализировать и вычислять, между подготовкой расположения к приему пополнения и руганью со строителями и психологами, охреневая от спускаемых сплошным потоком циркуляров и сводок, утихомиривая взвод охраны, где срочников – «комендачей» весьма «успешно» усилили контрактниками, было сложно. Угнетало. Ну разве это дело для офицера морской пехоты? Но людей нет. Варшавин в Отделе сидел на своем месте, но теперь он высоко, и это правильно – Сан Саныч один из немногих, кто способен разглядеть целостную картину Психи, пусть и в самых общих чертах.

М-да, хрен моржовый, жили себе, с терроризмом-экстремизмом планово боролись, и на тебе. Получается, благоденствовали.

Хотелось Туда сходить. На войну, где все понятно.

Тьфу, опять упрощаем? Валерий твердо знал, и недолгая служба в Отделе весьма тому знанию способствовала, что все просто и понятно только дуракам бывает. Капитан Российской армии быть наивным не имеет права. «Наши против немцев» – это только в старом кино. Хорошее кино, кто спорит. Но существование всяких РОА и РОНА⁷ забыть не получится. И на Великой Отечественной все было непросто, это нужно знать, учитывать и крепко помнить.

Нет, тогда было проще. Старший лейтенант Коваленко сам видел. Воевал народ. Погибал, голодал, кровью умывался, но бил врага. Освобождал города и деревни, выходил к государственной границе, к боязливо примолкшей Европе. И никаких сомнений у народа и Красной Армии не имелось. Шли к Варшаве, Бухаресту, Вене, Берлину и Праге. К Пиллау...

Странно представить, что город, в котором ты родился и вырос, штурмовали мужики, с которыми случалось ехать на одной полуторке и плыть одним катером, с которыми разговаривал, переругивался, юморил и с опаской поглядывал в небо. Не ветераны, старающиеся держаться прямо и бодро под грузом лет и медалей, а вполне себе товарищи-бойцы и товарищи-офицеры. Обычные и разные. Разгильдяи и толковые, блатные и интеллигенты, городские и деревенские, грамотные и не очень. Хрен его знает: чуть иная форма и техника, но если не мелочиться: что на Выборг, что на Цхинвал – один черт. Два-три дня боевого марша, и

---

⁷ РОА – Русская освободительная армия генерала Власова, воевавшая на стороне нацистской Германии. РОНА – Русская освободительная народная армия (бригада Каминского, она же 29-я гренадерская дивизия СС «РОНА»).

форма принимает весьма похожий драный вид-колер, и на какой броне – «тридцатьчетверки» или «бэшки» сидишь – все одно жопе жестко.

Разница в ином. Тогда страна воевала, а сейчас кусочек армии вел узкие боевые действия. Ограниченный региональный конфликт. Слово-то какое кухонное.

Хотелось сплюнуть на газон, но воздержался. Что за привычка такая пацанская? Офицер все-таки, от атавизмов избавляться давно пора.

Комсомольский проспект, естественно, стоял. Раскалялись под солнцем крыши сотен автомобилей, перегревались нервы водителей и водительниц. Скоро кто-то выскочит с битой, травматикой или чем-то посерьезнее. Недавно на глаза аналитическая сводка ФСПП попала: кривая графика уличных конфликтов плавно, но росла. Каждый день «трехсотые» и один-два «двухсотых». И никакая ремиссия этому безобразию не указ. В выводы аналитиков Валерий вчитываться не стал, но, похоже, Психа лишь косвенно виновата. Просто москвичи. Им ехать очень нужно, срочно и спешно.

Капитан Коваленко вздохнул. Сам-то кто? Москвич. Прописка есть, квартиру дали. Ценный кадр. Снежана кипятком бы писала – столица, повышенный оклад! Умри все живое. Вот же некоторые морпехи дебилы конченные. Куда смотрел? Ладно, купился ножками стройными, очами яркими, попкой округлой. Ну, оформил отношения, чтоб систематически иметь в постели то половое счастье. Но кто ж с такой... детей делает?

Перед воротами расположения было спокойно. Стояла одинокая дежурная легковушка Филикова, у КПП чисто, подметено. Прошла по гарнизону ненавязчивая рекомендация «товарищам офицерам по возможности прибывать на службу общественным транспортом». И безопаснее, и быстрее. Откровенно говоря, и дешевле.

Стальной «бордюр» перед воротами был предупреждающе поднят, Валерий зашел в обшарпанную дверь КПП, сыграл в гляделки со сканером – агрегат не только опознавал рисунок радужки и узор кровеносных сосудов, но и диагностировал психологическое состояние гостя. Магнитный ключ, рамка «Януса»... Специалисты утверждали, что дорогостоящая аппаратура выявляет Психу в подавляющем большинстве случаев. Оно-то конечно, но возвращающиеся с полигона бойцы, проходя странную процедуру медленно и по одному, выражались непечатно.

Капитан Коваленко вошел в отстойник, старший охранного наряда поприветствовал из-за пулестойкого стекла – выходить из дежурки часовым категорически запрещалось, парились в своем кондиционированном аквариуме, где кроме мониторов камер слежения и развлечений-то было – только языками чесать. Вот контрактники с «комендачами»-срочниками и перевоспитывали друг друга. Пока довольно успешно: синяков отмечено не было, психологи уверяли, что «дедовщина» изживает себя, да Валерий и сам это видел. Уровень допуска у бойцов разный, но нормальный парень с головой на плечах не может не отмечать неумолимо подступающего изменения бытия. А безголовых в расширившемся Отделе уже нет.

Задницы механиков торчали из-под поднятого капота «Волка»⁸. Новая техника, невзирая на свою прогрессивность, капризничала. Ничего, экипаж толковый, отладят. До полигона бронированная «волко-жучка» исправно доезжает, а больше никаких поездок пока и не предвидится. Простаивает Отдел.

Простоем нынешнюю деятельность ОТЭВ, конечно, не назовешь. Отрабатывается боевое спланивание, осваивается новое оборудование и старомодное оружие, ведется психологическая подготовка личного состава полевых отделений. Все это хорошо и правильно, только и.о. начотдела понимает, что все это откровенное околачивание груш. Тем самым, моржовым.

Завязла работа. Вернее, контрработа.

---

⁸ «Волк» – полноприводный модульный броневладелец повышенной защищенности.

«С 14.06 по 26.06.1944 г. (по ВРК)⁹ проводились следственно-разыскные мероприятия в полосе действий Ленинградского и Карельского фронтов.

Установлено:

1. Агент В4 (Варварин С.В.) погиб вследствие операции противника, направленной непосредственно на нашего агента.

2. Разрабатывалась и проводилась операция силами и тех. средствами объединенной немецко-финской диверсионной группы, руководство которой осуществляли представители «Норфкисиск»¹⁰.

3. Организация «Норфкисиск» действует нелегально и изолированно, не ставя в известность о своих планах военное и политическое руководство Третьего рейха.

4. Задачи организации Норфкисиск (предположительно): исследования в областях физики пространств, ускоренное создание мощной установки перемещения (портала), планирование эвакуации членов организации в случае военного поражения Третьего рейха.

5. Установлен круг лиц (предположительно), входящих или причастных к группе Норфкисиск. (Список установленных лиц прилагается).

6. Эксперименты и дальнейшая эпизодическая работа установки Норфкисиск-Портал вызвали сильные возмущения коррекционного поля, что, в свою очередь, ускоряет и провоцирует наступление стадии «П»¹¹.

7. Несмотря на осознание первоочередности задач по ликвидации Норфкисиск, проведение мероприятий по выявлению и уничтожению конкретных лиц, исследовательских центров и непосредственно пусковой установки на данный момент невозможно в связи с отсутствием точных сведений о расположении противника.

Вывод: облажался Отдел по полной.

...Валерий повесил гражданскую рубашку в шкаф, застегивая форменную куртку «цифры», подошел к зеркалу. Ничего так мужчина, убедительно выглядящий. Но с крайне ослабленными умственными способностями. То, что специалисты ФСПП, АЧА, МИДа и десятков иных солидных организаций тоже не способны нащупать хвост проклятого «Норфика», ничуть не оправдывает капитана Коваленко. Тысячи людей ищут след семидесятилетней давности в архивах Москвы и Питера, Вены и Цюриха. Прикомандированный от германских коллег Отто Хольт опять улетел на родину: немцы роют землю, собственно, все, кто понимает, насколько высока ставка, делают все, что возможно. Результаты нет. Слишком много времени прошло. Забыли, отвлеклись, иных дел было полно, и ту «Кукушку» в исторический мусор давно списали. Лоханулись, да. «Иногда они возвращаются».

Капитан Коваленко сообразил, что уже с минуту тупо рассматривает стену. Собственно, не саму стену, а висящий на ней ММГ¹² «маузера» С-96 с нагло-юмористической дарственной плашкой на рукояти. Сей предмет декора отбывший «на верха» Варшавин то ли так и не успел забрать, то ли оставил в назидание нерадивой смене.

Валерий включил компьютер, а заодно и плеер, подключенный к колонкам.

В городском саду играет
Духовой оркестр.
На скамейке, где сидишь ты,

---

⁹ По ВРК – по Времени Рабочей «Кальки».

¹⁰ Глухая кукушка (нем.). В разговорах сотрудников Отдела употребляется упрощенное «Норфик».

¹¹ Стадия «П» – кодовое обозначение момента тотального прихода эпидемии Психи и сопутствующих ей катастрофических явлений. Имеет несколько неофициальных, широко распространенных синонимов.

¹² ММГ – макет массогабаритный.

Нет свободных мест...¹³ —

задушевно поведал динамик.

И то верно. 9.00 – пора службу тянуть. Проверить вверенный командованием личный состав и вернуться к проклятому компьютеру – вон сколько почты навалило, и все «шапки-заголовки» как-то непривлекательно выглядят.

Личный состав дежурного отделения занимался самоподготовкой, то есть чтением газет и уточнением аутентичных бытовых подробностей. Капитан Коваленко сказал подчиненным «вольно», сел на табуретку и понаблюдал за попытками сержанта Гришина свернуть «козью ногу» – газета перед экспериментатором была засыпана крошками махорки.

– Если это и «нога», то слоновья, – констатировал командир ОТЭВ.

– Да я в реале это курить не могу, – пробормотал сержант. – Там же будут трофейные?

– Ты ваще кидай свой табак, – сказал, складывая «Правду», старшина Батура. – Двое вас, таких чудиков. А еще боксом балуется.

– Я дымлю умеренно, – оправдался Гришин.

– Ты бы, Серега, действительно легкие поберег. – Коваленко посмотрел на клочки бумаги и распечатанную пачку зелья. – Трофейные сигарки еще хуже. Так что соображай. А за «в реале» – наряд. Ладно бы еще, «в натуре» ляпнул.

К компьютеру идти мучительно не хотелось. По делу там ничего нет, а отписываться замучаешься. Валерий упорно вел себя к кабинету, но тут в коридор вывалился, моргая уставшими глазами, младший сержант Земляков. В руке полевой переводчик держал пачки вафель «Цитрусовые».

– Уже чаевичаем? – удивился Коваленко.

– Утром в пищеблок положить забыл, – сказал Женька, мельком взглянув на техников Расчетной группы, впихивающих очередной провод в кабель-канал под потолком коридора.

Манеры Землякова командир ОТЭВ знал хорошо, посему кивнул:

– Ну, пойдем, глотнем. Чай не пил – какая сила...

В пищеблоке пришлось переступить через стулья: дежурное отделение предпочитало пить чай здесь, а не в новом расположении. Сюда же по старинке шли расчетчики, оружейники и техники. Набивалось как в кубрик подлодки. Валерий собирался прикрыть посиделки, но счел, что традиции личный состав сплачивают. Придет настоящий начальник Отдела, пусть и пресекает.

Женька сунул вафли в шкафчик, посмотрел на десятки кружек, теснящихся на полке.

– Не томи. Чегостряслось? – тихо спросил Коваленко. – Нащупали что?

– Нет. В смысле, может, и нащупали, но не мы. – Земляков полез в карман и выудил конверт – незапечатанный и порядком смятый. – Вот, почта пришла. Я утром с пробежки возвращался, подошел к палатке за вафлями...

– Стоп! Охренел?! Конверт тебе на улице дали? А инструкция? Черт знает что хватаешь!

– Он, в смысле корреспондент, при мне конверт открывал. Голыми руками. И у него, у корреспондента, рекомендации. Кроме того, он меня и Варшавина знает. И вообще я малость растерялся, – признался Земляков.

– Излагай...

---

¹³ Вальс «В городском саду», слова А. Фатьянова, 1947 год.

...Фанатизма нам не нужно, главное – поддерживать себя в форме: Женька умерил шаг, запрыгал по ступенькам в подземный переход. Дыхание выравниваем, медитируем, руки держаться не должны, ноги желательнее тоже...

Срочник-спортсмен поднялся на поверхность и свернул к кондитерской палатке – новый личный состав регулярно к чаю закупается, но ведь вообще немосквичи всякую дрянь берут. Понятно, сейчас настоящих «Цитрусовых» фиг найдешь – всякие «Новолимонные», «Лимонный вкус» – подделки и контрафакт. Мир вообще деградирует, Психа еще не пришла, а с конфетами и вафлями совсем уже хреново. Взять те же «Красные-ударные»...

Женька расплачивался, когда его тронули за плечо. Довольно вежливо и легко, но чувство было до того странное, что Земляков отшатнулся от прилавка, резко разворачиваясь и готовясь врезать трогальщику в пах и горло.

– Ох, простите! – незнакомый парень, извиняясь, выставил ладонь, отступил. – Я, видимо, обознался.

– Несомненно, – сухо сказал Женька, нагибаясь за упавшими пачками.

– Простите великодушно. – Незнакомец насмешливо шурился, хотя тон был серьезный и искренний. – Честное слово, удивительное сходство. Вы ведь не Евгений Земляков?

– Я? – Женька подумал, что совершенно напрасно на пробежки пистолет не прихватил. Пусть приказа на постоянное ношение личного оружия рядовым и сержантским составам еще нет, Коваленко бы вполне понял. Сейчас вот почувствуй себя дураком. – Хм, какой еще Земляков? Нету у меня таких знакомых. Валькирьев я по паспорту. А что?

– Нет-нет, никаких претензий. Показалось. Удивительно похожи на одного знакомого моих знакомых. Просто фантастика. – Парень, довольно лохотный и хорошо одетый, при ближайшем рассмотрении оказался вовсе не парнем, а молодым мужчиной лет этак под тридцать. Улыбался чуть смущенно, вполне приветливо, что странно сочеталось с хитрым прищуром. Собственно, и трость в левой руке – тонкая, но с изящным, похоже, серебряным набалдашником, в таких принято прятать стилеты, что явная глупость и анахронизм в наше время, – выглядела чудновато. Но явно не фрик. Иностранец, что ли? Акцент вроде бы мелькнул, едва уловимый, не расшифруешь с ходу.

– Бывает, – сказал Женька, сгребая пачки вафель. – У меня вот бабуля ежедневно свою подругу детства в толпе узнает. Удивительное дело. И главное, практически не лечится.

– Действительно. Совпадений в этой жизни много. У меня вот одну знакомую тоже Валькирией обзывали. Не по фамилии, правда, а сугубо по складу характера.

– Ну так женщины сейчас... – с чувством сказал Земляков, вспоминая давешний телефонный разговор с Ириной Кирилловной, вдруг разнервничавшейся совершенно не по делу.

– И сейчас, и раньше, – согласился хлыщ и склонил голову к плечу. – Правда, настоящие командиры среди них исключение. Но ведь и такое бывает.

Женька положил кондитерские изделия на прилавок:

– Что-то не пойму. Вы это о каких женщинах? И, простите, не расслышал, как вас зовут.

– Павлович. Прот Павлович, – охотно сказал хлыщ. – Евгений, вы, пожалуйста, не беспокойтесь. Я вам вопросы задавать не собираюсь. Просто попрошу передать вашему руководству письмо. Я бы постарался лично с Александр Александровичем встретиться, но он нынче далеко от Первопрестольной и весьма занят. По инстанции передавать тоже неблагоприятно – пока проверят, пока передадут... А дело, насколько я понимаю, весьма срочное. Маловато у нас времени осталось, Евгений Романович.

– Слушайте, вы это сейчас кому говорите?

– Вы человек военный, Женя. Я тоже служил и все понимаю. Просто счел, что через вас будет проще передать. Уж извините великодушно. И человек вы ответственный, несмотря на молодость. Такого мнения придерживается рекомендатель, которому я абсолютно доверяю.

– Путаєте вы что-то. Кому сейчас вообще доверять можно?

– Вы абсолютно правы. Но опять же в виде исключения. Бывают такие люди, и мы с вами имеем честь быть с ними знакомыми. Евгений, я вас убедительно прошу передать вашему непосредственному руководству записку. – Странный Павлович вынул из внутреннего кармана легкого летнего пиджака конверт, извлек из него несколько исписанных мелким почерком листков, зачем-то потряс конверт, словно в нем могло еще что-то скрываться. Смешно посплюнявив палец, пролистал листочки и вернул в конверт.

– Как видите, яда кураре, полония и спор сибирской язвы здесь нет. Только некие выдержки из воспоминаний и краткий комментарий к ним. Возьмите, пожалуйста.

– Отсутствие яда, конечно, радует. Но мне-то ваше письмо к чему? Я не имею ни малейшего отношения...

– Ну и ничего страшного. Подумаешь, велика ценность. Выбросите. В Москве полно урн. Первопрестольная стала несколько чище, что радует. Всего вам доброго, Евгений Романович Валькирьев-Земляков. Опять же, удивительное совпадение. Как и Харьков. – Павлович улыбнулся – на сей раз показалось, что ему лет сорок, не меньше, – вежливо кивнул и пошел прочь.

– Знаете, я так ничего и не понял, – сказал Женька в светлую спину. – Чего вы там про ту самую говорили? Она-то как?

Павлович обернулся:

– Когда видел в последний раз, чувствовала себя отлично. Весьма на уровне наша командир. По-хорошему ей позавидовал. Успеха вам, Евгений.

– Да какой я Евгений? Обознались ведь, говорю, – пробормотал младший сержант Земляков. – Но и вам всего хорошего.

* * *

– Ты начал пробивать? – Валерий еще раз пробежал содержание исписанных очень четким и аккуратным почерком листов мелованной бумаги.

– Да там все сложно, в открытом доступе крохи. Запросы нужно давать. Но тетка точно существовала. Умерла в Ульме в 1976 году.

– Значит, лично он никак не мог видеть свидетельницу.

– Ну, учитывая нашу специфику...

Коваленко глянул на переводчика – Женька покусывал губу – видно, поверил записке сразу.

– Ладно, специфика. Но тут по тексту получается, что твой знакомый не тетку интервьюировал, а непосредственно ее отца. Тут же подробности – любой протокол обзавидует.

– Да я этого тоже не понимаю, товарищ капитан...

«Из беседы с фрау Линдберг, проживающей по адресу: Augsburg Strasse 36

...Мой отец, штурмфюрер¹⁴ СС Краус Линдберг часто рассказывал о своей последней боевой операции на Восточном фронте. Он считал, что выжил тогда чудом, и возвращался мыслями к тем ужасным событиям каждый раз, когда лежал в больнице или осваивал новые протезы.

...24 июня наша группа получила неожиданный приказ перехватить важного русского офицера. Операция была абсолютно не подготовлена, командовал группой гауптштурмфюрер¹⁵ Клекнет, только что прибывший из Берлина. Задача была неясна – не имелось даже фотографии нашей цели, лишь словесное описание. Русского капитана звали Бычкофф, он командовал особой секретной командой русских разведчиков...

¹⁴ Штурмфюрер – соответствует званию гаупт-фельдфебеля вермахта.

¹⁵ Гауптштурмфюрер – соответствует званию капитана вермахта.

...Наши войска отходили под мощными ударами наступающих русских. 25 июня диверсионная группа, в которую входил я со своими парнями, осталась в лесном массиве. Вокруг по дорогам уже двигались русские. Группа начала скрытно продвигаться в русский тыл...

...остатки группы вышли к деревне Шестаки. Все горело, вокруг лежали трупы, все было загромождено неисправной техникой. Наши разрозненные подразделения теряли боевой дух на глазах. Командование предпринимало отчаянные попытки сформировать кулак для прорыва из окружения. Но русские неуклонно сжимали кольцо...

...у Клекнета имелись все полномочия, он знал явки русских агентов, оставленных в тылу нашей разведкой и гестапо, но все настолько перемешалось...

...самолет сел на лесной поляне. Нам пришлось стрелять в обезумевших солдат, пытавшихся набиться в приземлившийся «контейнер»¹⁶. Но самое ужасное началось в воздухе, когда самолет настигли русские истребители...

– Черт, вот же... – Валерий сложил листки. – Значит, говоришь, капитан Бычков – личность реальная?

– Фронтовой отдел СМЕРШ 1-го Белорусского. Но никаким забросом разведгрупп Бычков, естественно, не занимался. Он там, на Белорусском, меньше месяца числился. Перевели перед наступлением.

– И перевели, значит, из ОПА?¹⁷ Следовательно, он работал с Варвариним?

– Тут я не знаю, – виновато сказал Земляков. – У меня допуска не хватает.

– Ну и чего мнешься? Сейчас запрос сделаю, аналитиков немедленно привлечем. И сам – быстренько чаю налил, вафель взял – и к компу. Копай по самые гланды...

Женька исчез, капитан Коваленко с минуту взял листы помятой бумаги и пошел в кабинет, к служебному телефону.

– Сан Саныч? Приветствую. Извини, что беспокою, но тут специфическая ситуация.

– Привет. Понятно, что специфическая. У нас иных и не бывает. Выкладывай. С учетом того, что я в Омске и ситуация здесь тоже специфически-интересная, давай лаконично.

– Вышел на нас некий гражданин. Зовут Прот Павлович...

– Стоп! Перезвоню.

Через две минуты телефон ожил – Валерий с нехорошим предчувствием снял трубку – связь шла уже по линии с новой, только что включенной защитой. Варшавин, словно в шаге сидящий, явственно вздохнул и сказал:

– Давай по порядку без суеты...

Валерий изложил. Бывший начальник Отдела помолчал, потом сказал:

– В общих чертах понятно. Что думаешь делать, Валера?

– Гм, вообще-то думал посоветоваться. Тут же сплошные непонятки. И вообще чушь отчаянная. Но, видимо, нужно проверить. Сходим, пожалуй.

– Да, я бы тоже провел операцию. Если твоя интуиция не орет об обратном.

– Она, интуиция, вообще охренела и молчит. Абсолютно не понимаю, откуда и зачем эта подсказка. Нет, я в провиденье и привидения верю, но есть же какие-то границы. Или этот Павлович не совсем привидение?

– Не совсем. Пересекались кратко. Информация запертая. Поскольку Павлович личность абсолютно неуправляемая и сосед лишь по очень дальней улице, было решено о нем забыть. Возможно, тут близорукость проявили.

---

¹⁶ Имеется в виду военно-транспортный самолет «Gotha Go-244», модификация планера «Gotha Go-242», снабженная двумя двигателями и прозванная «летающими контейнерами».

¹⁷ ОПА – Отдельная Приморская армия.

– Понятно. В смысле здесь понятно, но абсолютно непонятно, зачем он сейчас мелькнул, да еще и столь сомнительный презент оставил. На многоэтажную провокацию смахивает.

– Да, многоэтажно выразиться очень хочется. Ты ругнись и работай. Решать тебе, но я бы рискнул. Ситуация у нас такая, что и выигранная минута счастьем покажется.

– Понимаю. Пойдем незамедлительно. Группу, наверное, сам поведу.

– Угу, удивил. Веди. Но ты, Валер, давай перестраивайся. Не последний будет Прыжок, и ты стратегически мыслить обязан. Вряд ли на Отдел опытного и полностью осознающего специфику работы офицера вдруг поставят. Нет таких специалистов. Так что вернуться тебе нужно.

– Постараемся. Александр Александрович, так что все-таки с этим Павловичем? Почему он подсказать вздумал?

– Боюсь, что сейчас все «кальки» в узел стягивает. Зависим друг от друга все очевиднее. Хотя теория пока спорная и противоречивая. А может, и не это главное. По благу нам подсказывают, Валер. «Калек» много, а страна, как ни крути, одна. И благу в России не последнее дело. Вот по благу, по знакомству...

– Уловил. Пойду народ поднимать.

– Успеха. Черт, опять без подготовки полезете. Да еще с парадоксом и обратной коррекцией...

– Так у нас же традиции.

Капитан Коваленко положил трубку, изыскал в ящике стола салфетку и вытер лоб. Кондиционер – дрянь, ситуация – дрянь. Ладно, хотелось ведь пойти. Что пойти придется не так и не туда, даже хорошо. Ничего личного, гарантированно не пересечемся и не увидимся. Грустно, но правильно. С другой стороны, глупо. «По благу». Твою ж дивизию. И здесь без заочного участия ихней белобрысой валькирии не обошлось. Ладно, а вдруг получится? Взять за хобот этого Клекнера, потряхнуть как следует...

Валерий снял трубку местного телефона, положил... Нет, в некоторых случаях правильнее по старинке, то есть лично и доходчиво...

Капитан Коваленко широко шагал по коридору – глухо грохали по линолеуму начищенные берцы солидного размера, утихало за дверьми жужжание говорливого Расчетного, выглянул оружейник Сергеич...

Коваленко распахнул дверь во двор, вобрал в легкие летнего, довольно-таки противного московского воздуха:

– Ро-га!!!

От командного рева механиков вышвырнуло из-под капота «Волка», через секунду застучали ботинки ссыпающегося со второго этажа расположения бойцов «полевого», выскакивали из тактического зала срочники. Пролетали мимо командира из дверей оперативно-технического центра расчетчики и связисты, первым, застегивая ремень с кобурой, пронесся ушлый младший сержант Земляков...

Валерий с удовлетворением глянул на строй – не парадная шеренга, «сено-солому» не изживешь, но физиономии правильные, без ухмылок. Что ни говори, как на современные технологии ни ссылайся, а хорошо поставленный командирский голос ничем не заменишь.

– Товарищи бойцы! Поставлена боевая задача. Выход группы через четыре часа. Приказываю...

Капитан Коваленко говорил и сразу же просчитывал. В опергруппу войдут пятеро. Кроме командира, пойдет безальтернативный полиглот – замены Женьке нет, и еще трое «полевых»... Кого брать? Костяка у взвода еще нет, любая кандидатура спорна...

Глава вторая

Мокуть

Могилевская область. Лесная дорога

23 июня 1944 года. 9.40

На востоке рокотало. С утра вздохнуло разом, фронт, казалось, мигом приблизился. Ерунда, конечно. Что за несколько часов сделать можно? Сбить передовых фрицев, занять траншею, другую...

Вообще-то Михась не знал, как оно бывает там, на фронте. Не та стратегма, как говаривал Станчик. У партизан с артподготовкой дело неважно, да и в траншеях сидеть нечасто приходится.

Копать Михась не любил: унылое это дело – лопатой ковыряться.

Чавкали, подлипали подошвы сапог – колея просеки, не успевшая подсохнуть после давешнего дождя, испятнанная следами сотен сапог и ботинок, шаг заметно замедляла. Обувка Михася – разноцветная, один сапог рыжий, другой потемней, да и голенища заметно разного роста, – топтала знакомую просеку, считай, замыкающей. За спиной, придерживая на груди потертый, повидавший виды автомат и недобро глядя в затылок своевольному бойцу, шагал взводный Фесько.

Михась знал, что за нарушение приказа всыплют. Наряды по кухне – это к бабке не ходи. Ну, бойца хоззвода кухни пугать, это все равно что... А под арест не посадят. Как ни крути, операция последняя, и все это знают. Медаль обещанную, правда, тоже зажмут. Да и хрен с ней, не в первый раз, привык...

Боец Михаил Поборец привык ко многому. И сейчас, уходя на запад от лагеря бригады, еще дальше от дома, которого уже давно не было, привычно думал Михась о сапогах и портянках, о дурно подогнанном ремне винтовки, о том, как не попасться на глаза ротному и комиссару, о втором подсумке, что надобно подвесить на привале. Об «Астре», что пристроена в тайном кармане за подкладкой пиджака. Надо бы пистолет в карман брюк переложить.

Михась ценил свои почти новые черные брюки и курьезную, но крепкую пару сапог. Ценил «Астру» – памятную, ни разу не подведшую машинку. Большие ценить было нечего. Кончалась война партизана Поборца. И там, за «после-войны», ничего не было. Как и не было тех, с кем Михась начинал войну.

Кто с той, с первой зимы остался? Пашка-черкес в первой роте, сапожник Потап... Командир, так в бригаде выше ротного и не поднявшийся. В Титьковской бригаде воевал сержант Речник со своими пулеметчиками. С десятков раненых, что на Большую землю самолетом вывезли, еще живы, наверное. Вот и весь «Лесной чапаевец». Ну, в штабе соединения еще, конечно, живые отрядники есть.

– Михась, ты мослами шустрее шевели, – сказал в спину Фесько. – Топтаться и отставать станешь, я тебе такого пендаля выпишу – мигом в лагерь домчишь.

– Перебьешься выписыватель. Когда это я отставал? – пробормотал Михась.

Взводный промолчал – Михася он и вправду знал. Кажется, еще тем летом у Стайков встречались, когда знаменитый «свиначий» обоз разгромили.

Шагали в тишине, прислушиваясь к рокоту канонады на востоке. Кто-то из шедших впереди, несмотря на приказ, закурил – Михась машинально втянул ноздрями дымок махорки. Уже два месяца как бросил, а все равно тянет, аж мочи нет...

Михасю Поборцу было почти пятнадцать лет. Он воевал почти три года. И почти забыл, что можно не воевать. Жизнь-то прожита. Почти прожита...

Август. Тот, давний...

Война погромывала где-то в стороне далекого Могилева, а в деревне стояла тишина и спокойствие, будто и не было тех двух месяцев войны и никаких немцев-фашистов, будто надумали все досужие бабки от скуки. Даже на дороге все опустело. Понятно, большак у Ордати – это не шоссе Орша – Могилев, где войска так и прут сплошняком, но все ж и здесь еще вчера отходили группами красноармейцы, катились подводы и даже передки с пушками. Хлопцы с Мостков клялись, что видели натуральную танкетку. Ну, мостовские, они брехуны известные.

Вообще, деревня Ордатя для настоящей войны не очень-то годилась: слишком длинная, повторяющая изгибы русла неширокой, заросшей камышами реки Баси. Улица одна, зато аж на пять километров растянулась. Тут пока какая новость дойдет, считай, упустил все интересное. Хата семьи Поборцев стояла почти крайней – дальше двор Шляхтов и, уже за околицей, старое панское кладбище с ушедшими в землю склепами, одичавший сад да фундамент сожженного имения на пригорке. Вдоль сада тянулся проселок на Тищицы – из соседней деревни новости к Поборцам даже быстрее доходили, чем из Ордатского сельсовета. Да какие в Тищицах новости? У них там и моста-то нет. Глушь.

Михась о своем удалении от войны сильно переживал. Ничего не разглядишь, не запомнишь. В тот раз даже бомбовозы не углядел. Все мамка – «поруби ботву Ваське да поруби». А этот поросенок – глушитель страшный, поскольку визжит звучней городской сирены.

О сирене воздушной тревоги рассказывал старый Карпыч, отвозивший мобилизованных в Шклов. Тогда и батя в армию ушел, и остальные ордатские мужики. Писем от бати так и не было, да и понятно – немец пер напористо, говорили о боях под Минском и парашютных десантах у Могилева.

Радио до Ордати дотянуть так и не успели, только столб для тарелки громкоговорителя вкопали. Вот и думай, лови слухи, гадай, как та бабка темная дореволюционная.

Михась вздохнул.

– Ты скреби-скреби, воздыхатель, – сказала, не оборачиваясь, мать и сердито брякнула чугуном.

– Да чистой он уже, – безнадежно заверил Михась, сдувая соскобленную стружку с действительно порядком побелевшей крышки стола.

– А вот хворостиной будет тебе «чистой уже», – посулила мать.

Михась опять вздохнул. Не выпустит. Вчера утек удачно, да, видно, Толян сказал, что младшего брата у моста видел. Так что ж такого, на минуту всего добежал, подумаешь, преступление.

Лезвие старого ножа скребло знакомую до последней щербинки доску стола, Михась печально сдувал стружку. Мариха, пристроившаяся на коленках на табурете, пыжилась, надувая щеки. Шесть лет сестрице, а туда же.

– Ухи заткни, – пробормотал Михась. – Как дирижабль взлетишь.

– Сам дирижабль, – сестрица показала язык.

– Уйметесь вы или нет? – Мама обернулась и прислушалась. – Вот где вашего старшего носит...

Михась хотел сказать, что вопрос законный и по справедливости Толян тоже в хате сидеть должен. Двенадцать лет или шестнадцать – разница, между прочим, невеликая...

На улице явственно заржала лошадь. Михась дернул к двери, но мамина рука успела ухватить за шиворот.

– Да рубаха ж! – возмутился беглец.

– Я те метнусь!

– Так глянуть же...

Смотрели в окно вместе, Мариха подсунулась под братьев локоть, щекотала косицей, моргала на движущиеся за плетнем фигуры:

– Конники?

Мама молчала.

Светило неяркое солнце, неспешно ступали крупные лошади, всадники в седлах устало горбились: глубокие стальные шлемы, винтовки поперек седел. Люди, серые от пыли, от мышастой, некрасивой формы...

– Мам? Это ж...

– Михась, ты сегодня в хате посиди. Я тебе как взрослому говорю. А Тольке я уж так скажу...

На столе оставался недочищенный островок. Вот тебе и праздник. Дурость одна с этой приборкой. Как угадали. Михась машинально скреб и дивился тому, как все просто. Въехали немцы в деревню, как к себе домой. Даже не озираются. Наохлились, как куры сонные. Засесть бы на кладбище с ружьем. А лучше с пулеметом. Очень даже просто...

Стукнуло отчетливо. Михась замер со старым ножом в руке, застыла у печи мама, даже Мариха оцепенела, открыв рот...

Еще перестук, сразу несколько тресков... Выстрелы... Это не у моста, ближе...

Михась не выдержал.

– Я тебя, стервеца! – в бессильной ярости закричала мама, кидаясь следом.

Михась шмыгнул в дверь, слетел с крыльца, метнулся вбок, к пуне¹⁸ и мигом оказался на крыше. Застыл, не чувствуя, как под коленями проминается старая солома. Скакали назад по улице огромные задастые кони, низко пригибались всадники, тряслись на серых дупах немцев странные рифленые цилиндры. Один из всадников оглянулся, что-то крикнул. Снова захлопало – свистнуло в высоте. Пуля, что ли? Михась, не веря, пригнулся и одновременно по-птичь вытянул шею. Последний из всадников запрокинулся, лег на круп идущей тяжелым галопом лошади. Сапог выскользнул из стремени, немец бездушным мешком бухнулся на землю, чуть проволочился за лошадью и остался лежать в траве: шлем, съехавший на глаза, переплетение ремней и каких-то значков на груди, пятно темное... Еще стучали копыта полегчавшей лошади, треснул вслед удирающим всадникам припоздавший выстрел...

Михась скатился с крыши, кинулся в хату:

– Мам, отбили немцев! Один прям у забора лежит. Убитый, видать...

Жгут влажного полотенца переложил наблюдателя прямо по лбу. Михась охнул, зажмурился. Мама лупила молча, слышались лишь влажные удары. Потом захныкала Мариха, всхлипнула и сама мама, град ударов поутих. Михась осмелился раздвинуть заслоняющие голову локти:

– Да я ж только на минуту.

– Не смей, паразит! – конец полотенца метко достал по уху.

К вечеру ухо порядком припухло. Михась сидел обиженный, удрать не решился, хотя Володька упорно высвистывал с огорода. Потом пришел Толян, и мама попыталась и старшего брата полотенцем повоспитывать. Но, видать, все самое смачное, как обычно, уже Михасю досталось. Мама снова заплакала, брат ей что-то приглушенно говорил. Михася погнали спать, что было еще обиднее, чем схлопотать полотенцем.

Как все случилось, Михась узнал только назавтра, от Володьки и других хлопцев. Собственно, они-то и сами о перестрелке отступающих красноармейцев с германскими кавалеристами лишь в пересказе знали, поскольку никто своими глазами ничего не видел. Поэтому

---

¹⁸ Пуня – сарай для сена.

раз десять выслушали самого Михася, рассказавшего про панически удиравших немцев, про посвист пуль. Об убитом всаднике пришлось умолчать – Толян настроено предупредил. На языке так и вертелось, но Михась сглатывал – брат таких подзатыльников навешает, что там то полотенце.

А убитый немец пропал. Словно и не было его. Но, видимо, все-таки был. Искали его потом, уже когда немцы поназначали в Ордати полицейских и старосту. Вообще-то, все это было странно и весьма удивляло Михася с Володькой. Вот как так: Ларка Башенков – пусть вредноватый и болтливый, но вполне знакомый деревенский мужик, вдруг оказался назначен старостой? А сосед Ленька Шляхта – всего-то на год старше Толяна – назначен полицаем, нацепил белую повязку и таскает на плече винтовку.

Запуталось как-то разом все на свете в том августе. Приказы немецкие, такие несурзные, что вовсе ошалеешь, регулярно расклеивались на столбе у уличного колодца. Писали в них, что Смоленск и Киев героической германской армией уже взяты, что надлежит соблюдать порядок, колхозное имущество не портить, что партийные и евреи обязаны регистрироваться. Сидел в колхозном правлении гарнизон: немец-фельдфебель с шестью солдатами, полицаи к ним на доклад являлись. Искали дохлого кавалериста и прячущихся красноармейцев-окруженцев, что его застрелили. Правда, Ленька Шляхта, несмотря на повязку свою мерзкую, помалкивал, хотя точно знал, у какой хаты немец-кавалерист свалился. Сосед все-таки, до войны вполне нормально жили, в одну школу Ленька с Толяном ходил.

Толяна забрали попозже. Внезапно все как-то вышло. Тогда еще не понял Михась, что жизнь – она такая и есть. Непредсказуемая и от смерти почти неотличимая.

...Шагали, причавкивая, разноцветные сапоги, ремень винтовки Михась подтянул на ходу, делать было нечего, и ненужное от этого в голову лезло и лезло.

Октябрь первого года

Тюкали колуном по очереди – тяжеловат был топор.

– Натренируемся, – сказал Витька, подставляя очередной чурбан.

Михась, отдуваясь, кивнул и поднял топор. Ныло что-то в животе от напряжения, да и спину порядком ломало.

Без Толяна жизнь разом стала куда как сложнее. Забрали брата в сентябре, и было трудно осознать, что молчаливый суровый Толька может и не вернуться. Никогда. Фиг с ними, с подзатыльниками. Горше слова «никогда» ничего нет. Черт его знает, что это за такие «добровольные работы на благо великой Германии». Даже слухов, куда именно хлопцев и девок погнали, и то нет. А все Ларка, гад собачий...

...Староста стоял, придерживая отвисшую почти на мотню кобуру – новенькую, желтую, многозначительную.

– Илларион Никифорович, да как же так? – бормотала мама, заворачивая хлеб.

– Вот вас Советска власть учила указы читать, а вы все как дурные, неграмотные, – зло-радно сказал староста. – Работа на благо рейха – честь немалая. Еще благодарить будете. Да куда ты харча столько суешь? Небось, не в Поволжье ссылаем. Работать будет – паек дадут. По ордунгу все...

Толян стоял уже одетый, смотрел в пол. Михась брата знал – морщится брат, прикидывает, как вломить увальню-старосте, сшибить через лавку. Толян – хлопец жилистый, управится. Только в дверях топчется свояк старосты – тоже увальень, но ростом такой, что загривком в косяк упирается. Во дворе полицаи курят, у калитки – сосед Ленька, что во двор постеснялся войти, топчется со своей трехлинейкой треснутой и проволокой замотанной.

– Илларион Никифорович, может, погодите с Толиком... – мама никак не могла завязать узел. – Я б...

– Да что «ты б»? Червонцем драным щедро отблагодаришь или подол заворишишь? Вот мячта-то, – Ларка ухмыльнулся.

– Мам, да что ты с ними разговариваешь? – удивительно безразличным тоном сказал Толян. – Съезжу, поработаю, гляну. Не сожрут ведь...

Брат не глядя подхватил узелок с харчами, сунул в старый чемодан, рывком затянул шнурок, что вместо сломанного замка был приспособлен, и пошел к двери. Неспешно пошел, но здоровый полицай попятился, тукнул прикладом о дверь. Всхлипнула замершая на лавке Мариха.

Староста глянул на девчонку, на Михася:

– Расти, хлопец. Следующим пойдешь. Оно ж по-честному надобно: раз папашка на Советы пупок до последнего рвет, значит, щенки на нашего фюрера сполна поработают. Работы много, вон Советы сколько барахла побросали. Ничего, сейчас Москву немцы возьмут, и все по-серьезному орднунгу пойдет. За давнее ответите, я все помню...

Мамка с Марихой ревели до полуночи. Михась крепился – знал, что Толян сбежит. Не тот он человек, чтоб покорно в Шклов катить да на немцев работать. Сбежит.

...Может, и правда, сбежал. Говорили, под Хоново прямо с эшелона хлопцы дернули, борт вагона проломив. Человек сорок. Охрана палила, побили многих. Может, и врут.

...В животе ёкнуло, Михась бухнул колуном по очередной упрямой колоде.

– Ты с понадтыку, – посоветовал Володька. – И глянь-ка, к вам Райка-Пудра зачем-то прется.

Михась от души приложил колоду и выпустил из уставших ладоней неудобно-толстое топориче.

Райка – то ли четырехъюродная, то ли пятиюродная сестрица, действительно уже закрывала щеколду калитки. Небрежно махнула мальчишкам и пропорхнула к крыльцу, осторожненько ступая по траве своими светлыми городскими ботами.

– Все фасонит, – неодобрительно проворчал Володька.

Райка действительно была девкой легкомысленной и непоседливой. Собственно, непонятно, девкой или молодкой: поговаривали, что в Минске шебутная родственница успела выскочить замуж. Потом то ли развелась, то ли молодой муж сам сбежал, испугавшись излишне веселого нрава новобрачной. Училась Райка по торговой части, работала в каком-то райпо¹⁹. Торговали там галантереей или еще чем-то неприличным – Михась принципиально не интересовался. Иметь родственницу с прозвищем Пудра и так радость невеликая. Как война началась, Райка мигом удрала из города в спокойную Ордачу. Оно и понятно – у фронта таким овцам, перманентом завитым, делать нечего.

– Принесла нелегкая, – проворчал Михась, и друзья вновь занялись дровами.

С сучковатым чурбаком расправились, но тут вышла мать и позвала Михася в хату.

– Да не пойду я в Черневку, – наотрез уперся Михась.

– Так польза ж будет, – неуверенно сказала мама. – Что ни говори, а провизия. В запас оставим. Кушать-то можно.

Кушать лепешки из крахмала действительно было можно. Мама напекла, попробовала, поморщилась, а глупой Марихе даже понравилось. Полмешка крахмала досталось по случаю: поделилась тетка Вера, которой привез кум. В Черневке имелся крахмальный завод, и в те

---

¹⁹ Райпо и сельпо (районные и сельские потребительские общества) – торгово-закупочные кооперативы. Скупали у населения продукты, от огурцов до лесных орехов, продавали через сеть своих магазинов.

безвластные три дня, когда Советской власти уже не было, а немцы еще не заявили, крахмал со склада раздавали всем желающим.

– Зима вот-вот придет. Надо бы запастись, раз задешево отдают. – Мама нерешительно глянула на Михася.

– Да жидам этот крахмал девать некуда, – заверила Райка. – Все одно сиднем сидят в гетте своем, немецких приказов ждут, в мастерских для виду ковыряются. За тридцатку мешок легко возьмем. Пропадут ведь вовсе гроши советские. На подтирку разве...

Мама сурово глянула на болтливую родственницу.

– Так я чего? Я исключительно про ближайшую перспективу, – по-городскому умно оправдалась Райка. – Давай-ка, кавалер, бери вашу тачанку, да смотаемся в Черневку. Всего-то полдня затратим, а все польза. Не жмись.

Мама опять посмотрела, и Михась, не любивший этаких просительных взглядов, про- бурчал:

– Тащить буду, а торгуется пусть сама.

– Напугал. Хорошо, что не наоборот, – хихикнула Райка. – Нацепляй кепку да тарантас бери. Мамка-то мне тележку не доверяет, боится, не верну ваш лимузинный экипаж.

– Ты, Раиска, не болтай. И не лезьте там, куда не надо, – строго сказала мама.

Двухколесная высокая тележка, весной подправленная и подремонтированная батареей, катила легко. Шагалось тоже легко: еще пригревало неяркое солнышко, дорога подсохла. Райка, против опасений Михася, языком не молчала, только поглядывала по сторонам. Городские кудряшки прикрывала чинная косынка, миловидное лицо казалось спокойным и не очень наглым. Михась, правда, помнил, как лихо родственница отшучивалась на мосту от постовых полицаев. Такое ляпнула, что аж уши у «тачечника» загорелись. А здесь, на дороге, ничего – шагает спокойно, только боты временами от пыли бережно отирает.

– Что ты их трешь? – не выдержал сам Михась. – Полупути еще нету. У Черневки и почишишь.

– Это у тебя башмаки – что свиной пинать, что в город ходить гостить – без разницы. А у меня единственная пара приличная. Кому я в драном нужна? В городе застыдят.

– Тоже нашла город.

– Да я не про Черневку. Что мне жида запертые да пьянчуги нахальные? В Минск буду возвращаться. Вот бабку пристрою... – Райка поморщилась.

Михась понимал. Бабка у Райки сильно хворала. Видимо, теперь уж только на кладбище «пристроится». Мама с теткой Анной о том недавно разговаривали.

Райка о своей бабке, видимо, думать не хотела, потому что начала трещать о Черневке и о каком-то своем дядьке, что обещал помочь закупить крахмал. Жида из гетто на заводе работают, крахмал на продажу воруют. Если с умом подойти, то вполне сторговаться можно.

– Они все подвалы этим крахмалом засыпали, – убежденно говорила Райка. – Такая хитрозадая нация, просто жуть. Я вот в Минске одного знала – волосы из носа торчком, аж метлой, а туда же. «Р-р-раичка, Р-р-раичка...» Такой вот Хаим Семэнович любезный, понимаешь ли, марципан кривоногий...

Михась катил тележку, Райка не на шутку завелась, вспоминая противного Хаима, Минск, евреев вообще и черневских жидов в частности, которые, как у них девка народится, так обязательно дурным именем Цыпа обзовут, а мужи ихние пейсатые что не спроси, так непременно Абрамчик.

– ...что за народ?! Уж за проволоку их сунули, отгородили, а все торгуются, надурить норовят. А тридцатка, она что, на земле валяется? Ты ее попробуй заработай...

– Да что ты разоралась-то? – возмутился Михась. – Со мной торговаться собралась?

– Так готовлюсь, – Райка засмеялась. – Я ж в жизни чего только не покупала, а крахмал мешками скупать пока не приходилось.

Черневка стояла тихая, окруженная облетевшими яблоневыми садами и неглубокими овражками, торчала над крышами кривоватая труба мастерской, и вид у местечка был неживой и сумрачный. Михасю разом окончательно расхотелось туда идти.

– Слушай, Райка, дорога-то чего такая пустая?

– Так день не базарный, – Райка озабоченно глянула вперед, полезла в карман жакета.

Михась с осуждением смотрел, как она подмазывает губы.

– Что морщишься? Не дорос еще, не понимаешь.

У околицы маячили люди – Михась рассмотрел винтовки за их плечами.

– Полиция. Что-то много сегодня. Ты, знай, тачанку толкай, разговаривать я буду, – распорядилась Райка и решительно пошла вперед.

Донесся выстрел.

– Балуют. То на дальней окраине, – пробормотала Райка. – Шагай, шагай спокойно.

Михась и сам понимал, что поворачивать назад на глазах пятерых полицаев неразумно.

– Куда прете?

Кроме полицаев, у опущенного шлагбаума сидело двое немцев: молодой с интересом уставился на Райку, тот, что постарше, со многими нашивками на форме, продолжал читать газету.

Райка балаболила, рассказывая о «дядьке», о ценах в деревнях...

Полиции смотрели странно: красноносый ухмылялся, длинный парень со съехавшей на обшлаг повязкой и рожей побледневшей, стал цветом в ту повязку.

– Нашла время по гостям ходить, дура гладкая, – буркнул мордатый полицейский и вопросительно глянул на старшего немца. Тот вяло махнул газетой:

– Mittag machen²⁰.

Судя по всему, разрешил проходить. Михась протолкнул тележку под веревкой, удерживающей шлагбаум. Зашагали по улице. Полиции и молодой немец смотрели вслед. На Райкин тыл, городской юбкой обтянутый, понятно, смотрели.

– Эх, Мишка, не вовремя мы, – прошептала Райка.

Михась на неприятное «Мишка» внимания не обратил – уж очень хотелось свернуть, скрыться от глаз, в спину пристально глядящих. Ведь смотрели – всей спиной, даже сквозь старый, подшитый батин пиджак чувствовалось.

– Куда катишь?! – зашипела Райка. – Я ж им сказала, что на Кузнечную идем. И не оборачивайся.

Улочка вывела к рынку. И Михасю стало уж совсем не по себе. Нет, спине полегчало, но в целом-то наоборот. В Черневке доводилось бывать не то чтоб часто, но незнакомым местечко не назовешь. Только теперь не узнать. Вроде и улица та же, а... Людей почти нет. Торопливо перешел улицу пожилой мужчина, мелькнула за забором бабка... Робко гавкнул во дворе пес...

– Ой, не вовремя мы, – вновь повторила Райка. – К гетто не пойдем. К дядьке, а потом через речку...

Гетто Михась увидел издали: дома как дома, только колючая проволока на кольях растянута. У проволоки что-то лежало – но то, что это мертвец, Михась лишь позже понял, когда откинутую руку разглядел. Посреди улицы стоял полицай – увидев тележку и прохожих, поднял винтовку, прицелился...

---

²⁰ Обеденный перерыв (нем.).

– Ошалел, что ли?! – закричала перепуганная Райка. – Вот я господину фельдфебелю пожалуюсь...

Полицай, продолжая целиться, сделал два неловких шага навстречу, захохотал.

– Пьяный в сраку, – пробормотала Райка. – Миш, да ты кати-то быстрее.

Райка колотила в калитку, потом в оконное стекло застучала. Мелькнуло за окном пятно размытого лица, потом звякнул засов калитки:

– С ума сошла, Раиса. В такой-то день, – «дядька» в накинутом на нательную рубашку коже аж приседал от страха.

– Так договаривались же, – заикнулась окончательно побледневшая Райка.

– Так кто ж знал... тикайте скорее, – «дядька» пытался захлопнуть калитку.

– Да как мы пойдем, пустые? – Райка уцепилась за калитку. – Я ж не отмажусь. Нагрузи чем...

– Ах, чтоб вас... – Хозяин заковылял к сараю...

Мешок с трудом взвалили на тележку – он мазался белесой липкостью.

– И второй давай, – распорядилась Райка. – Деньги сейчас...

– Да какие деньги?! Потом отдашь. Вчера дома обыскивали, утром опять улицу обшаривали. Жиды недобитые разбегаются, так их ловят и по новой стреляют. Два дня как их в овинах у оврага позакрывали, гетто уж пустое, так все равно бегают и бегают. – Хозяин выталкивал за калитку девушку и Михася, и так с трудом волокущих второй мешок. – Через Рукреницу идти не вздумайте, там жидов и копают. Да тикайте, дурны головы...

Михась, не все понявший, впрягся в перекладину тележки, перепуганная Райка пинком подправила поклажу.

– Угораздило же...

С окраины долетел неслаженный винтовочный залп, потом захлопали торопливые, словно догоняющие выстрелы.

Райка судорожно перекрестилась:

– Не дай бог! Не, нас не тронут. Нету такого приказа...

Тяжело поскрипывали колеса – тележка с трудом набирала ход. Впереди, у проулка, что уводил к колючим кольям гетто, треснул выстрел. Райка вздрогнула:

– Обойдем. Они там упившиеся, не ровен час, стрельнут наугад для смеха. Сворачивай. К тем немцам у поста вывернем, они знакомые, пропустят...

Михась попытался развернуть потяжелевшую тележку, Райка забежала вперед, ухватилась, помогая повернуть. Вкатились между заборов: узкий проезд уводил от рынка в сторону мастерских. Можно будет на соседнюю улочку выбраться...

– Господи, ты боже мой, – сказала вдруг Райка и встала столбом.

Михась хотел выругаться – толкать и разгонять тележку по новой было тяжело. Но тоже увидел.

На тропке, меж побуревших крапивных стеблей, топтался ребенок. Лет трех, может, четырех. Почти голый, в голубых испачканных трусиках. Волосы, похожие на черно-серую мочалку, лицо чумазое. Плачет...

До того дня Михась и не думал, что можно плакать молча.

– Господи, ты боже мой, – повторила Райка.

Ребенок посмотрел на тележку, на людей, повернулся и побежал по тропке. Споткнулся, пополз прочь, да так и замер. Только попка в порванных трусах дергалась в судорогах беззвучного плача.

Райка высморкалась в пальцы, стряхнула на забор и сказала:

– Ты, Миш, иди к дядьке. Ты белобрысый, упросишь, он переночевать позволит.

– Не позволит. Ссыт он. Да и не управишься ты одна.

– Вдвоем управимся, что ль? Застрелят, совсем как дурачков. Что я твоей мамке скажу?
– Ты давай думай, что делать. Говорить потом будем.

Райка кивнула, шагнула к ребенку:

– Эй, Цыпа, ты тихонько сидеть можешь?

Ребенок – Михась так и не был уверен, что это девочка, пополз прочь, но тут же уткнулся лицом в землю.

– Ты эти жидовские штучки брось, – строго сказала Райка и подхватила малую на руки. – Слушаться будешь? В мешок тебя посадим, покатым отсюда. А ты замрешь, как камешек, и сидишь тихо. Так? Или ой как худо нам будет, ой каких марципанов отвесят. Поняла?

Райка вытирала грязную мордашу еврейки углом своей косынки, а малая все плакала и кивала, кивала, кивала...

Когда отсыпали в подзаборную крапиву крахмал, по улице прокатилась машина: тупорылый немецкий грузовик. Под тентом невнятно ругались или командовали. Не понять вовсе – песий язык.

– Вот я не думала, что под забором сдохну, – сказала Райка и попыталась улыбнуться.

В мешке оставили треть сыпучего, сверху посадили Цыпу.

– Замрешь. Чтоб как камешек, – строго напомнила Райка и завязала мешок.

Такого страха Михась потом, в разведках, блокадах, под минами в болоте, да и вообще нигде и никогда не испытывал. Черт его знает, может, от неожиданности, а может, вовсе еще сопляком в ту первую осень был.

Постукивали ободья колес, лежала неподвижно Цыпа, может, уже и вовсе задохшаяся под непомерной тяжестью верхнего мешка. Трещал очередной залп у оврага, потом постукивали, добивая еще живых, выстрелы, болтала Райка, рассказывала о Минске, где улицы «как луга широтою», где «всё, небось, разбомбили, но что-то непременно и осталось». Толкал неровную тележку и старался слушать Михась. Потом Райка попросила глянуть, ровно ли губы подмазала...

Почти прошли. Полицаи у шлагбаума сменились, только мордатый остался. Но немцы сидели те же. Райка живо начала жаловаться мордату, что дядька «по знакомству» за крахмал три шкуры содрал. Михась, чувствуя, что руки уж вовсе не слушаются, пропихнул тележку под шлагбаумную веревку. Тут молодой немец встал и что-то гавкнул. Михась от страха чуть тележку не выпустил, полицаи наперебой что-то объясняли немцу. Райка улыбалась. Немец кивал и тоже улыбался. Поманил пальцем, Райка заулыбалась еще польщеннее, небрежно махнула рукой Михасю – мол, не жди, проваливай...

...Стучали ободья, стучала в ушах кровь, заглушала и далекие выстрелы, и все на свете. Катил Михась тележку с поклажей, то ли живой, то ли мертвой...

...Роца придорожная была реденькой, через кювет протолкнуть тележку Михась не смог. Пока догадался, пока верхний мешок сдвинул, нижний на спину взвалил. Перенес, в кустах споткнулся, бухнулся на колени – мешок шлепнулся на траву вовсе безжизненно. Михась непослушными пальцами дергал завязку...

Цыпа была жива, даже дышала. Правда, глаза держала плотно зажмуренными, да и то сказать, крахмала на рожице было гуще некуда.

– Ох ты боже ж мой, – бормотал Михась чужие слова, пытаясь отчистить липкую детскую личину. Глаза Цыпа с трудом разлепила, и из них немедленно покатались слезы.

– Перестань, говорю, – растерянно приказал Михась. – И так не пойми на кого похожа. Мартышка африканская.

Цыпа беззвучно плакала, Михась пытался понять: что ж теперь делать-то? Сажать обратно в мешок и по дороге катить? А если полицаи догонят? Да и задохнется дитё в мешке –

и так непонятно, как жива. А дальше? Домой ее везти? Маме как объяснить? Девчонку мама, конечно, пожалеет, но жить-то как? Цыпа, она и в крахмале – откровенно местечковая цыпа. В подвале ее прятать?

Ладно, умыть ее нужно, пока вовсе не заклеилась. На тележке бутылка с водой – Райка в дорогу прихватила.

– Сиди здесь. Сейчас водички принесу.

Михась достал бутылку, краюху хлеба и тут увидел неспешно бредущую по дороге фигуру. Райка... От сердца отлегло – ничего самому решать не нужно.

– Жива, что ль? – устало спросила Райка.

– Плачет. Чумазая – жуть.

Зашли в кусты – Цыпы не было. Мешок полупустой, рассыпанный крахмал...

– Вон она, – сказала Райка. – Вот же жуть живучая мышинная порода.

Девчонка забралась в гущу кустов, сжалась, на грязной худой спине вздрагивала ниточка позвонков.

Райка вздохнула:

– Сейчас напою чучелу, да опять в мешок запихнем. По дороге надежнее – гады по всей округе сейчас облавничают. Если ровиком²¹ пойдем, точно поймают...

Шагали по дороге. Навстречу единственная подвода попалась, да двое знакомых плотников из Тищиц прошли. Полицаев не было. Райка морщилась и оправляла юбку. Михась помалкивал, так она сама сказала:

– Оголодал немчура. Пуговицу на жакетке оторвал, урод. Хорошо хоть молодой, скорый. А полицаи наши субординацию знают, не полезли, начальства застеснялись.

– Раиса, вот человек ты нормальный, но уж бесстыжая, спасу нет, – сердито сказал Михась.

– Да чего там, ты, Мишка, уж взрослый почти, – безразлично сказала Райка. – А мне ведь уходить теперь придется. Не в хату же к бабке мелкую жидовку тащить. Наши ордацкие мигом пронюхают, наступчат.

– Да куда ж ты? – с ужасом спросил Михась.

– В Горецкий лес пойду, там вроде партизаны завелись, – Райка усмехнулась. – Вот они нам с Цыпкой обрадуются. А чего: нас только отмыть – барышни гарные.

Отмывали Цыпу у реки. Уже темнело, накрапывал дождик. Потом закутанная в жакетку девчонка сидела на мешке, грызла краюху и уже не плакала.

– Ну и ладно, – сказала Райка, – пойдем мы. В копнах за Овсяным лугом передохнем, а то вовсе замрзнет мой жиденок. Ты, Миш, мамку попроси – пусть к моей старухе зайдет, скажет, что я сразу до Минска подалась.

– Сделаем, – заверил Михась.

Пиджак и кепку он отдал девкам – старшая немедля нацепила кепку на голову Цыпке, подхватила «гриб иудейский» на руки. И ушли девицы.

Михась спрятал тележку и мешки в камышах и побежал домой. Мать поохала, наказала никому не говорить. Наутро с Володькой забрали тележку. Крахмал поделили по-честному: половину мама частями перенесла Райкиной бабке.

А саму Райку потом довелось встретить в Горецком отряде «Мститель», куда Михась ходил связным. Цыпка тоже там прижилась: говорить так и не начала, но шустрила при кухне,

---

²¹ Ровик – овражек, низинка (местн.).

бегала с ложками и котелками. В начале 43-го Цыпку с другими детьми переправили самолетом на Большую землю.

Райка сгинула весной 43-го. «Мститель» выходил из блокады, раненых спрятали в землянке, завалив ветками. И Райка там осталась – голень у нее была осколком разворочена. Что с ранеными стало, никто не знал. Может, и чудо какое случилось. Взводный, с кем Райка жила, видно, сердцем к ней накрепко прикипел. Говорили, летом сам под пулемет поднялся. Может, и врут. Михась в те времена в Березенской бригаде застрял, сам не видел.

К западу идут партизанские роты. Переправу взять, Красную Армию дожидаться. Секрета нет – приказ перед строем огласили. Взять мост, и конец партизанской войне. Или нет у войны конца? Людей еще много, всех не добились.

Шагал Михась, а мысли чаще не вперед, а назад убежали. Отставали мысли, видать, ноги у них заплетались...

Ноябрь первого года

Как в тот вечер осенний все вышло, Михась вспомнить не мог. А может, не хотел. Память у человека – чувство не самое железно-стойкое. Чуть что, сразу гнуться и ржавчиной осыпаться начинает. Но шепот мамин помнился:

– Беги, Михась...

В дверь колотили, во дворе кто-то матерился. Михась, не думая – страх в мамкином шепоте все мысли мигом отшиб, – шмыгнул на цыпочках к лестнице в сенях. Хорошо, разуться не успел, вот пиджак и кепка так и остались висеть. На чердаке Михась ошупью обогнул стопу досок, сдирая ногти, повернул гвозди, удерживающие раму оконца. Внизу мама дверь отомкнула: гавкали на три голоса: хрипатый голос старосты Башенкова, его свояка, еще кого-то...

Михась выбрался на крышу, сполз пониже. Во дворе разговаривали, но здесь, с тыльной, в сторону огорода, стороны, было тихо. Ухватился за знакомую жердь, прибитую под стрехой, повис на руках... в последний миг заметил чужую спину в гороховом, перетянтом солдатским ремнем полупальто...

Полицай обернулся на звук падения – Михась чудом успел под забор откатиться.

– Э, кто здесь?

Сумрак спасал, тощий беглец проскользнул между штакетинами, застыл, уткнувшись в куст паречки²² – пожухлая колючая веточка норовила ткнуть в глаз, а в двух шагах от беглеца топали тяжелые сапоги.

– Хведор, чего там?

– Та кошак, видать, – недоуменно ответил близкий Федор.

Спас Михася, прикрыл, реденький заборчик у родной избы. Беглец пополз в глубь огорода, за спиной остался дух табака, самогона и смазных сапог.

Пришли, вонючие, косолапые... Марципаново гадово семя.

Уползал Михась в щедрый ноябрьский сумрак и не знал еще, что сам гаденыш бессовестный. Мамку, сестру бросил. Может, и не тронул бы их Ларка. Тогда бы не тронул, может быть, позже... Месяц, два... – это ведь много...

Два дня отсиживался Михась в старой сторожке у кладбища. Страшно не было, вот холодно, это да. Володька притащил старый полушубок, чугунок еще горячей картошки. Но того тепла ненадолго хватило.

---

²² Паречка – красная смородина.

– Увезли, – угрюмо сказал Володька. – Утром на телеги посажали и увезли. В Шклов, говорят. Дед Сумарь сам видал. Человек пятнадцать с деревни разом забрали. Вроде как пособники партизан и сочувствующие.

– И Мариху? Она ж совсем малая.

– Так, а куда ее им девать? Забрали. Могу у деда спросить. Хотя, что он там сослепу рассмотрел-то? Да ты не волнуйся, подержат да выпустят, дело такое, – Володька сочувственно засопел. – Пока обратно из города доберутся...

– Не выпустят. Это все Ларка, гад, – угрюмо сказал Михась, пытаясь натянуть на колени полы облезлого полушубка. – Убью псину немецкую.

– Да, подстеречь бы его. Орал староста, что тебя непременно съест. Он злопамятный. Тетка Варвара говорила, он на вас за старое взъелся. Еще в двадцать пятом, что ли, когда твой батька...

– То давно было. А я его сейчас убью, – сквозь зубы сказал Михась. – Марципан сучий, мне б только оружие достать...

...Винтовку тогда достали. И даже окончательно испортили краденую древнюю трехлинейку, вдоволь употев, обпиливая тупой ножовкой ствол и треснутый приклад. Стащить винтовку особого труда не составило: когда топили баню у соседей, Михась отлично знал. Проволокой поддели щеколду на бане Шляхт, и готово. Патронов, правда, всего пять – те, что в магазине и было. Эх, надо было хоть сапоги полицейские прихватить.

Еще сутки Михась с корявым обрезом стерег старосту. Но тут вовсе не задалось: то собаки учуют, то зоркий часовой у управы окликнет. Но главное, холод. Не готов был тогда Михась зад свой морозить. Опыта такое дело требует. Решил уходить в Горецкий лес.

Володька тогда всерьез обиделся. Вместе ведь рассчитывали идти. Володька и харчи натаскал, и валенки дедовы... Но мамка у него с двумя малыши оставалась, и...

Виделись потом дважды. Володька стал связным в 121-м отряде, потом в 6-й бригаде. Попался карателям зимой 43-го. Кажется, в феврале. Да, точно в феврале. Повесили его в Шупенях.

* * *

...Лесная тропа, по которой прошел батальон, уже никакая не тропа. Тракт истоптанный, загаженный. Блеснуло у лужицы – Михась нагнулся и неловко подхватил пару патронов. Желтенькие, автоматные.

– Вот идольское племя, разбаловались, – проворчал за спиной Фесько.

Михась кивнул, подбросил патроны на ладони, поймал – получилось. Два выстрела. По счету когда-то патроны были. Башкой за каждый патрон отвечали...

Зима первая

«Лесной чапаец» стоял тогда на Мокути. Вообще-то никакого названия у лесистой низины не имелось. Два болота рядом, речушка поганенькая, сырость вечная – Мокуть, одним словом. Зимой получше, а летом, если на месте минуту постоять, того и гляди, засосет по колено. Островки, где землянки можно вырыть, переплюнешь без труда. До чугулки далеко, до партизанской Кличевской зоны тоже не близко. Неловкое в стратегии место.

Много позже, поблуждав по отрядам и бригадам, навидавшись командиров с разными званиями и ухватками, Михась понял, что в ином месте ту зиму «Лесной чапаец» едва ли пережил бы. Три деревни, небольшие, но почти не трогаемые немцами и полицейским начальством, хутора с запасами и людьми надежными, куда раненых и больных можно отправить... Выживал в первую зиму «Лесной», просто выживал. Четыре десятка людей, три лошади, пять

коров. Выживали, и немцу больше своим существованием, чем жуть как геройскими операциями, мешали. За зиму трех зарвавшихся «бобиков» убили, спалили две немецкие машины и склад, разведчики ходили за Днепр и к самому Бобруйску, но что там делали и делали ли что-либо, кто знает – Михасю и тогда никто особо не докладывал. Еще к «Лесному» шли люди: окруженцы-приймаки, у которых засвербело, беглецы из лагерей пленных и гетто, и много иного очень разного люда. Негусто шли, но регулярно. И командир Станчик переправлял тех людей дальше. В Бацевичи²³, в Октябрьскую²⁴, где создавались отряды настоящих народных мстителей, со штабом, радиосвязью (пусть и символической) и даже одной исправной «сорокапяткой». А в «Лесной» с вернувшимися проводниками попадали переписанные от руки сводки Совинформбюро и строгие приказы «не отсиживаться, без пощады уничтожить гада» и т. д. Станчик обещал непременно усилиться и безжалостно уничтожить, просил винтовки, патроны, гранаты, хотя бы пару автоматов. Но с оружием и в крупных отрядах было худо.

Не умели. И оружие добывать не умели, и воевать не умели. Землянки рыть, и то...

Почему тогда командир не погнался вшаей соплика из дальней Ордати, Михась не понимал до сих пор. А тогда, первой осенью, не понимал, как «Лесному чапаевцу» повезло с командиром.

...Щетинистый мужик молча смотрел на мальчишку.

– Возьмите, – несколько теряясь, повторил Михась. – Батка на фронте, мамку, брата с сестрой полицаи забрали. Я выносливый. Воевать хочу.

Непонятный мужик снял шапку из весьма заслуженного каракуля, потер лысеющий лоб:

– Как?

– Чего как? – не понял Михась.

– Воевать как хочешь?

– Как нужно, так и буду, – начиная злиться, сказал Михась. – Оружие у меня есть. Честно буду воевать.

– Честно – это хорошо. Дай-ка глянуть. – Мужик протянул руку к обрезу.

Михась поколебался, но протянул странному партизану культю исковерканной трехлинейки.

Тот привалился плечом к стене хлева, потянул затвор обреза, близоруко щурясь, заглянул в патронник.

Михасю захотелось выхватить оружие из чужих рук – вот чего принимается? Тоже знаток. Из троих пришедших на хутор этот, пожилой, в городской старой шапке, был меньше всего похож на настоящего партизана. Надо было все-таки к высокому обращаться – у того и автомат с круглым диском, и вообще шинель армейская. А этот... на агронома похож. Разве что кобура на поясе. Да и что за кобура: «наган» в нее не втиснулся, шнурком подвязан.

– Чистил когда? – закрывая затвор обреза, тихо спросил мужик.

– Нечем чистить, – угрюмо признался Михась.

Мужик кивнул:

– Это не оружие. Заберу. Может, ударник с пружиной снимем. А тебе... Поборец, так?

– Михась Поборец.

– Так вот, Поборец. Винтовку я тебе не дам. И «наган» с шашкой не дам. Не дорос, и чистить тебе нечем. На испытание в хоззвод могу взять. Там толковые хлопцы нужны. С дисциплиной. Пойдешь?

– Пойду, ежели надо.

²³ В Бацевичах был один из центров Кличевской зоны, в дальнейшем там начал деятельность Кличевский райисполком.

²⁴ Октябрьская партизанская зона, одна из первых в Белоруссии.

– Другой разговор. – Мужик повертел обрез и принялся запикивать себе за ремень. – За командира тут я буду. Меня товарищ Станчик зовут. Все понятно?

– Понятно.

– Ну и ладно. Пошли потихоньку, – неуклюжий Станчик повернулся.

– А потом как? – спросил в спину Михась.

– А?

– После испытания? Я работы не боюсь, но воевать хочу. Мстить.

– Хочухи наши до войны остались. Нам, Поборец, врага удавить нужно. Его удавить, а самим жить. Вот такая вот задача. Долгая. Терпи.

По довоенной профессии Станчик был не агрономом, а вовсе даже табельщиком на лесопилке. Партийным, выгнанным из партии, вновь восстановленным... Надеющимся только на себя и на своих немногочисленных проверенных людей. Партизаном по душевному складу и командиром по необходимости. Хорошим командиром. Командиром, так и протаскавшим всю войну «наган» в приبلудной пистолетной кобуре со смешным шнурком-завязкой.

Сорок человек – это небольшой отряд. Четыре землянки плюс «штаб-клуня», баня и склад. Сколько нужно дров на шесть печей и кухню? Михась это точно вызнал. Одному, понятно, было не управиться, заготавливали и кололи всем отрядом, но ответственный «по печам» был Поборец, и порой орали на него справедливо. Нужная работа, чего там. Иногда доводящая до бешенства двенадцатилетнего мальчишку. Народ посмеивался. Но в землянках было тепло, Михась учился отругиваться, слушал бывалых людей и зубоскала Борьку-Херсона, и вообще был при деле в любое время суток. Не воевал, конечно, но был нужен для войны. И при случае напоминал командиру о «испытательности».

– Утомил, – хмуро сказал Станчик. – Мне что, «наган» отцепить и тебе дать? Нету стволов. А к тем, что есть, патронов по десятку. Топор тебе выдали, наточили? Вот и радуйся.

– Что топор? Гранату хоть дайте. У тетки Степаниды и то карабин есть.

– Красивый карабин. Хрен знает, какой он национальности и системы, но патронов к нему сроду не имелось. А гранат у нас четыре штуки, и все для дела нужны.

– А я для баловства прошу?

– Кабы для баловства, другой бы разговор шел, – Станчик поскреб подбородок. – Вот что, Поборец. Мы в штабе подумаем. Будет решение, приказом проведем.

Не забыл. Через неделю Михась стал пулеметчиком. Вторым номером. Беда была в том, что теперь Поборца уж и вовсе навсегда к лагерю прицепили, и о боевом задании даже нечего было и думать.

– Мы свое слово еще возьмем, – повторял первый номер Филиппыч. – Тяжелое оружие, оно стратегического значения.

Станковый пулемет был действительно единственным тяжелым оружием «Лесного чапаявца». Кроме винтовок имелся еще «дегтярь» и единственный автомат, но что они по сравнению со станкачом?

– Ты смотри, Михась, что за техника! Это ж когда еще придумали, а как умно, – не уставал восхищаться Филиппыч.

Пулемет, называвшийся по-иностранному трудно – «Швар-лоз»²⁵, действительно вызывал уважение: массивный, с мудренными винтами и краниками, костылем-прикладом, хитроумно складывающейся треногой. В крышке лентоприемника была устроена масленка-самотек,

---

²⁵ Швар-лоз (правильно – Шварцлозе M/07/12) пулемет австрийского производства времен ПМВ. Состоял на вооружении в нескольких европейских странах. Во время Второй мировой войны использовался в тыловых частях вермахта. Масса пулемета (с водой и на станке) – 42 кг. Емкость ленты – 250 патронов. Патрон 8×50 «манлихер».

откуда при стрельбе аккуратно подкапывало на ленту, поочередно смазывая каждый патрон. Филиппыч уверял, что при таком остроумном устройстве задержки в стрельбе просто невозможны, и бережно хранил «мерзавчик»²⁶ с особо чистым маслом для швейных машин.

Пулемет отбили у немцев еще до Михася – в сентябре 41-го. С тех пор «Швар-лоз» находился при штабе и своим грозным видом внушал уважение отрядным гостям. Усилиями Филиппыча тяжелое вооружение содержалось в полном порядке, из охладителя вовремя сливалась и регулярно менялась вода. Имелись смутные планы в надлежащий момент выдвинуть машинку к чугунке и обстрелять немецкий состав. Тяжелые пули непременно паровозный котел пробьют.

Беда была одна: к «Швар-лозу» имелось ровно 48 патронов. Михась это точно знал, поскольку десятки раз вместе с Филиппычем разряжал холщовую, с латунными вставками-пластинами, ленту, протирал и смазывал головастые патроны. Ленту заново снаряжали, и она ждала своего важного диверсионно-железнодорожного часа. По насмешкам Борьки-Херсона, набитого куска ленты должно хватить ровно на секунду обстрела и ответный паровозный свисток. Насчет секунды Михась сомневался – если каждый патрон отдельно протираешь, не так уж их и мало кажется. Ружейной смазки хлопцы по случаю приволокли целый бидон, и боец Поборец с тоской прикидывал, что те пулеметно-полировальные занятия до морковкиного заговенья затянутся.

Своего часа «Швар-лоз» все-таки дождался.

Дело было уже в марте. Михась к тому времени давно связным от бригады ходил, но в тот день заночевал в «Лесном». От внезапных выстрелов скатился с нар, без шапки вылетел наружу.

– Уходим, – командовал Станчик. – Без паники и не вошкаться!

Метались по лагерю, хватая необходимое имущество, партизаны. Подвывала тетка Степанида, тянула испуганных коров.

Снег уже стаивал, и то, что немцы рискнут подобраться по ненадежному льду реки, заподозрить было трудно. Не обычная облава-гонялка, а выверенная операция. Вел их кто-то. Михась, уже наслышавшийся про дела со шпионами и предателями в других бригадах, скорее удивлялся тому, каким чудом до сих пор на «Лесного чапаевца» карателей не вывели. Ведь во всех деревнях знали, где лагерь зимует. Обычно о полицейских операциях заранее предупреждали, «Лесной» успевал уйти, а тут...

Часовые немцев прозевали, но врасплох застать лагерь не получилось. Спас стыдливый городской Гоша, вечно маявшийся животом. Сейчас он и влетел в лагерь, одной рукой поддерживая штаны, другой размахивая винтовкой.

– Немцы! В маскировке белой. Я одного прямо с места...

– Уходим через Пень-остров и дальше на Иванищи, – морщась, приказал Станчик. – Разведчики путь щупают. Боевой взвод отход прикрывает. Живее! И не трусовать мне!

На реке, за ивняком, щедро поливали из автоматов. Потом зачастил немецкий пулемет. Щелкали пули по ветвям...

Михась покрутился в секундной растерянности – все ж отвык от «Лесного». Увидел Филиппыча, выволакивающего из штаб-клуни увесистое тело «Швар-лоза». Кинулся помогать...

– Не путайся. Патроны тащи, – рявкнул первый номер.

Под звяканье в коробке легковесной ленты Михась догнал пулеметчика – Филиппыч уже свернул с тропки, шагал трудно, по колено увязая в осевшем снегу. Мелькнули залегшие за

²⁶ Мерзавчик – маленькая водочная бутылка.

упавшим стволом партизаны, стукнула винтовка, передергивая затвор, обернулся Заяц, крикнул:

– На тот берег повылезли. Скопляются, гады.

Филиппыч не ответил, сопя, ломился через снег и кусты, коротколапый «Швар-лоз» сидел на его плечах, тянулся рылом к реке, внюхивался.

Простучала с немецкой стороны очередь, посыпалась с деревьев труха – словно ошалевшая белка с десяток шишек разом растрепала.

– Ты, Михась, кланяйся нижей, – прохрипел пулеметчик. – Не ровен час...

Дальше ползли на карачках, Михась подпихивал лапу пулемета, железяка оставляла борозду в снегу. Филиппыч рывками волок пулемет, взбрыкивал подпаленными валенками...

Выползли к взгорку.

– Тута, – пулеметчик смешно закружился, трамбуя локтями и коленями сырой снег. Впереди открывался изгиб речного русла, ивняк на том берегу...

– Вон они! – Михась разглядел хоронящегося за кустами полицая в черном полушубке, рядом пригибались двое – белые, расплывчатые фигуры, дальше мелькнули еще...

– Ясно, там. Куда они денутся? – Филиппыч поспешно утер усы, открыл крышку ствольной коробки, достал из-за пазухи бутылочку с заветным маслом. – Ленту готовь!

Кожаный наконечник ленты еще не подмерз, с готовностью проскользнул в приемник. Пулеметчик бережно подправил набитые патроны:

– Эх, так и не насобирали. Сейчас бы ленты две. Спешить не будем. Вот что, Михась, лети к командиру – скажешь, на позиции мы. Придержим.

– А ленту подправлять?

– Успеешь. Галопом давай.

Михась кивнул и кинулся назад. У тропки столкнулся с хлопцами – тоже рысили к лагерю.

– Минометы ставят. Сейчас всучат – мама не горюй! – крикнул Заяц.

– Филиппыч на фланге с пулеметом остался, – сказал Михась.

– Как бы не отрезали...

Тут засвистело, и сразу две мины хлопнули у лагеря.

Землянки бойцы проскочили в обход, и Михась догнал командира уже у Пеньковой гати.

– Филиппыч остался у речки прикрывать. Говорит, «придержим».

– Добро, охолодить немца надо. Дуй вперед, к разведчикам.

– Так он же там... Один он!

Станчик сгреб за ворот, потряхнул в силу:

– Вперед, слышал, Поборец? Задержимся, прижмут нас. Не видишь, что делается?

Мимо тяжело прогалопировала докторова корова: на ее боках подпрыгивали вьюки, следом с причитанием бежали Нюрка и Степанида, не удержавшие веревку...

«Лесной» уходил, выбрасывая вперед и в стороны опытных разведчиков и охранение. Михась с двумя бойцами перешел чавкающее снежное месиво за Пень-островом. Остановились вылить из валенок воду. Минометный обстрел позади прекратился, видимо, немцы и полицай выходили к опустевшему лагерю. Изредка доносилась строчка «шмайсера», отдельный винтовочный выстрел. И когда в эту тревожную почти-тишину вошло размеренное татаканье пулемета, его слышали все уходящие «чапаевцы». Неспешный, непрерывный рокот – солидный голос «Швар-лоза» с иной машинкой спутать было невозможно. Единственная длинная строчка. Михась, конечно, не считал, но наверняка все сорок восемь длинных тупоголовых манлихеровских пуль ушли как по секундомеру. Замолк пулемет, мгновение тишины, вспыхнувший треск винтовок, давящиеся от злобы строчки немецких МГ. Потом заработали минометы...

Отряд уже вышел за Иванищевский хутор, а позади все еще доносилось хлопанье мин...

Что стало с первым номером «Швар-лоза», Михась так и не узнал. Никто из отрядных Филиппыча ни живого, ни мертвого больше не видел. Конечно, по-разному бывает. Может, и живой. Тогда в «Лесном» четверых недосчитались. Из них позже только Зайца нашли – достало бойца осколком, заполз в кусты, да там и умер. В деревнях говорили, что немцы с полицаями уйму своих потеряли, когда окруженный лагерь добивали. Теперь, мол, вся закраина Мокути телами партизан усеяна. Михась ко всякому вранью привык. Брехню в ленту набивать не надо – пуляй ею, сколько влезет. Что ж языком не воевать?

...Тропа вывела к смутно знакомому озерцу. Впереди слышались голоса, кто-то смеялся. – Привал объявили, – сказал Фесько.

Михась и сам видел. Вернее, угадывал. Новый начштаба был из ученых-правильных. В смысле курсам, уставам и брошюрам безоговорочно верящий, а не лесом и немцами наученный. Привал по часам и по первому удобному месту. Будто ягдкоманды те уставы и наставления не читали. Интересно, почему все по кругу крутится и регулярно на командование не шибко умных людей выносит?

Впрочем, немцам сейчас не до гонялок.

Михась бросил мешок в сторонке. Нитку с иглой достать, дыру в кармане брюк зашить и, наконец, пистолет переложить. А то опять на задницу уползает.

Пистолеты рядовым бойцам, тем более в хозроте, иметь не положено. Трофейные пистолеты надлежит сдавать для вооружения командиров и политработников, для нужд разведчиков и диверсантов. Ага, марципан им по самые... Михась в разведчиках почти год числился, хоть бы «наган» какой по закону выдали. Что словчил, тем и владеешь.

«Астру» уже дважды отбирали. Но возвращался пистолет к Поборцу, потому как и знакомства у Михася имелись, и дерзости у бывшего разведчика хватало.

А попал изящный иностранный пистолет к Поборцу еще в «Лесном». Той весной, когда отряд Станчика еще сам по себе воевал...

Весна первая

Михась возвращался связным из Селец и прямо на тропе наткнулся на хлопцев, идущих в засаду. Командовал четверкой сержант Маслов, кое-чем обязанный Михасю с тех пор, как связной стал регулярно бывать в Сельцах и не отказывался передать записку некому надежному человеку, которая хлюпала носом и спешно царапала ответное письмецо... Ну, неважно, давно то было.

В общем, Михась напросился в засаду. Маслов выдал гранату и потребовал не высовываться и быть в резерве. Михась обещал.

Засели у грунтовок на Кричев. Сторожили не «на абы», а грузовик с аэродрома. Два немца, регулярно ездившие на фургоне, обнаглели и стали делать крюк, заворачивая на Стары Ушаки и изымая там съестное и самогон. Семейство хуторян вроде как числилось в «бобиках» – дочь у них была за начальником полиции в соседнем селе. Но хозяин и партизанам помогал. «Маяк» на хуторе ставили: давал передохнуть переправляемым раненым, хлеба там испечь, письмо передать. Прошлый раз дурные аэродромные мародеры едва не наткнулись на раненого и санитарку из «Большевика». В общем, Станчик решил наглых фрицев, раз их фюрер недокармливает, от пуза угостить. Засаду, понятно, далеко от хутора устроили, чтоб подозрений не вызвать.

Михась лежал в сырых кустах, слушал, как Борька-Херсон шепотом рассказывает о своих бабах бесчисленных. Весело рассказывает, без пошлости. Выходило, что все видные девицы далекой Херсонщины были влюблены в Борьку «душой и телом», говорун отвечал каждой искренней взаимностью, но жизнь, как назло, регулярно разводила влюбленных. Михасю было даже завидно: легкий человек Борька, хоть и насмешник. Надо же так врать красиво.

Маслов кинул сучком, угодив по Борькиной фуражке, сделал страшную рожу – шла машина. Михась, доставая из-за пазухи РГД, отполз чуть в сторону от болтуна...

Немцы ехали как по расписанию, команда Маслова тоже не сплеховала. Сержант всадил очередь из автомата в кабину грузовика, машина вильнула, съехала в кювет. Мотор заглох. Дверь кабины дернулась – почти залпом стукнули винтовки двух партизанских стрелков, засевших дальше по дороге. Из кабины в кюветную лужу вывалился немец.

– Офицер никак? – удивился Борька, целясь в упавшего.

Немец дернул ногой, словно пытаясь вылить из голенища натекшую воду, замер.

– Михась, ты гранату со взводаними и мне вернуть не забудь, – напомнил Маслов, выходя на дорогу с готовым к стрельбе ППД.

– Сейчас отдам, – сказал слегка разочарованный Михась. Только что сердце жутко колотилось, а кончилось все вон как просто.

Навстречу шел Никола Сукора – второй из стрелков остался приглядывать за дорогой по направлению к Кричеву.

– Шофер готов – прямо в башку.

– А колымага несолидная, – с досадой сказал Борька. – Железо в кузове какое-то. Ну-ка...

Он вспрыгнул на колесо, собираясь приподнять тент...

– Ты напорешься, – озираясь, сердито сказал Маслов. – Непременно напоре...

В кузове гроыхнуло, затрещал борт – Борька испуганно слетел с колеса, едва удержался на ногах...

– Твою... – Маслов тоже отпрыгнул от машины, вскинул автомат.

Михась увидел спрыгнувшего из кузова немца: тот, пригибаясь и размахивая руками, удирал по дороге.

– Тук-тук, – кратко сказал автомат в руках Маслова.

Немец замедлил шаг, выпрямился, ноги его подогнулись.

Партизаны смотрели на лежащего на дороге немца.

– Живьем нужно было, – азартно сказал пришедший в себя Борька. – Он без винтовки...

– Что ж ты сиганул, ежели он без винтовки? – Маслов осторожно приподнял стволом ППД брезент кузова. – Вон его винтовка. Мог бы и пальнуть в дурную голову. Один лезет, другой гранатой машет...

Михась и правда понял, что сжимает гранату, словно метнуть собрался.

– Оружие берем и уходим, – сказал из кузова сержант. – Тут листы какие-то жестяные, нам без надобности.

– У офицера сапоги хорошие, – ухмыльнулся Борька и шагнул к кабине.

Треснуло вроде негромко – Борька удивленно охнул, шагнул назад, глухо стукнула о колею выпущенная из руки трехлинейка. Михась увидел вроде бы дохлого немца: тот, приподнявшись на локте, целился из пистолета. Из рта капала кровь, руку с небольшим пистолетом водило из стороны в сторону, а немец все выцеливал, выцеливал, словно не в луже лежал, а в тире тренировался...

Подумать Михась не успел, просто швырнул, что в руке было. Если бы РГД на взводе стояла, мало бы не показалось. А так просто железка весом в полкило стукнула немца в грудь. Но полудохлому флигеринженеру²⁷ и этого хватило: судорожно кашлянул, выпустив на подбородок кровавый сгусток, выронил пистолет. Оперся вторым локтем, пытаясь выползти из кюветной лужи. Завозился почти на месте...

Прихрамывая, подошел Сукора, упер ствол винтовки в затылок немца. Глухо бахнуло, елозивший по луже авиатехник, наконец, замер.

– Так глуше, – словно оправдываясь, сказал Никола.

²⁷ Флигер-инженер – офицер технического состава люфтваффе.

– Вы что ж, вашу... – Маслов склонился к лежащему на спине Борьке. – Ты что ж, Херсон, ах, твою...

Уходили нагруженные, Михась нес трофейные винтовки, подсумки и офицерские сапоги. Сукура прикрывал, остальные несли Борьку. Голова убитого раскачивалась, иногда Михась видел Борькины глаза: изумления в них уже не было, только отражалось бледное мартовское небо.

У болотца, запарившись, передохнули.

– Кому пистоль? – спросил Маслов, доставая из кармана галифе сунутый туда второпях пистолет. – Мне даром не нужен. Берите, сменяете на что.

– Да ну его в жопу, – сказал белобрысый парень, имени которого Михась сейчас уже не помнил. – Вон, пацану отдай. Пусть на сахар дрянцо сменяет.

– Держи. – Сержант протянул матово блестящий пистолет Михасю. – Только сам не стрельнись из этой пакости. И Станчику не говори. И так-то...

Пистолет был холоден от кюветной воды – словно вымыли орудие после Борькиной смерти. На «щечках» были выбиты иностранные буквы.

Уже на ходу Михась украдкой передернул затвор, подхватил выпрыгнувший патрончик и вынул магазин. Шесть патронов имелось. А буквы уже потом, летом, Женька перевела – «Астрой»²⁸ пистолет назывался. Как цветок иностранный.

* * *

– Подъем! Вперед, товарищи! – отдыхавших партизан поднимал лейтенант из десантников: в армейской форме с погонами, щедро обвешанный оружием. На стриженной голове по партизанской моде кубанка с нашитой наискось лентой, из-под нее чуб. Кумач ленты пылает – вот всадят ему в лоб пулю, когда меж кустов мелькать да орать будет.

Михась встал, потом, когда бойкий лейтенант заспешил в голову колонны, сел. Колонна еще когда вытянется, что ж зря топтаться? Понятно, куда ведут. Мосты у Гнатовки и второй вёски... как ее, Чучья²⁹, кажется.

И снова год второй. И третий. Длинные...

В апреле 42-го, когда «Лесного чапаевца» слили с бригадами, Михась попал в 3-ю Клиневскую³⁰. Поборца здесь уже знали – приходил связным. Собственно, ничего не изменилось: и дальше шастал с пакетами и устными приказами. До самих Крупков и Глуска ходить доводилось. Где лесами, где «по-ясному», с поддельной немецкой невразумительной бумажкой. Обычно полицаи не цеплялись: простой парнишка, невзрачный, остроносый. Ориентировался Михась правильно, на вопросы смаргивал в меру испуганно, ответ на «куда прешься» всегда имел. Главное, нерв держать, говорил начальник бригадной разведки, и то была правда.

На память Михась не жаловался: деревни и хутора, мосты и колодцы зацеплялись накрепко. Имена и отзывы, знаки и пароли помнил. Вот только, возвращаясь в бригаду, дожив и записку передав, падал Поборец на земляные нары, и башка будто отключалась. Сумрак землянки, огонек синюги³¹ или коптилки, голоса смутные – где-то рядом оставалось. Но не с ним. Цепенел Михась, сползал с нар только по нужде, снова дремал-спал. Даже есть не хоте-

²⁸ Пистолет Astra 300 испанского производства. Состоял на вооружении Германии в 1941–1945 гг. Вес без патронов – 560 г, емкость магазина – 7–8 патронов в зависимости от калибра.

²⁹ Часть названий населенных пунктов изменена.

³⁰ Некоторые номера и названия бригад, отрядов и соединений изменены.

³¹ Синюга – местное название лучины.

лось. Не было здесь связного – все добирался тропами и дорогами, постовым полицаям искательно улыбался, воды и хлеба при случае просил, таился у околиц, слушал разговоры, стучал в окна, снова шел. «Нервное напряжение», – как-то сказал фельдшер. Михась лишь удивился: какое ж в лагере напряжение? На задании, оно, конечно, в высокой строгости себя держишь.

Впрочем, через три-четыре дня столбняк тот проходил. Выползал Михась к костру, съел котелок просяной каши или вареной бульбы, жевал пресняковую³² лепешку и по привычке шел колоть дрова. День-два его не трогали, потом снова: «В Пельшичи надо сбегать, в Латвах разведка пропала, разузнай, что в деревне говорят». И слились все те тропы-дороги в одну. Нет, если память напрячь, то всё по дням вспомнится. Но зачем?

Кострицкий лагерь Михась хорошо помнил. Землянки там удобные вырыли: песчаные, да с накатом сосновым, пахучим. Настоящие нары, окошко с треснутым стеклом... Угол выделили, «пионерским» обозвали. Ну, братьев Грибачей скоро к отцу отправили, остался Витька-малый, Женька осталась...

Женька была родом из Ленинграда. Отец у нее, сапер-майор, служил до войны в Пинске. Эвакуировалась в те первые дни на восток Женька с матерью, да не вышло уехать...

Как Женькина мама погибла, Михась никогда не спрашивал. Может, еще и не погибла. Война, разные случаи случаются. Михась как-то, еще в «Лесном», сильно послал сердобольную тетку Степаниду, когда его сиротой вздумала назвать. Командир Станчик мата в лагере не терпел, но тогда сделал вид, что не слышал.

Женька помогала в бригадной прачечной, отчего руки у нее вечно были красные и распухшие. Но была она веселой девчонкой и рассказывала хорошо. Говорила, у них дома, в Ленинграде, книжек два шкафа было. Витька-малый все сказку рассказать просил. Сказки были интересные, их тоже всей землянкой слушали. Особенно ту, про трех фашистов-толстяков и циркачей-подпольщиков. И другие истории Женька живо помнила: о путешествиях и капитанах, о рыцаре Черной Стрелы, о влюбленных в древней Веронской Италии. Об итальянцах Михасю было стыдно слушать, даже щеки пылали, хорошо, в полутьме не видно. А негромкий голос Женьки рассказывал певуче, и вроде чувства те вовсе не в чужой буржуйской Вероне приключились.

Женька была 31-го года рождения. Сейчас бы ей было уже тринадцать...

В декабре 3-ю Клиневскую взяли в блокаду. Сначала немцы вроде обычную гонялку задумали, но бригада вовремя не струнулась, и обложили ее плотно. С боями вышли, уходили, путая карателей, прорывались к Борисовской³³ зоне. Михась почти ничего не помнил – тифозная горячка совсем мозг спутала.

Витьку-малого оставили на каком-то хуторе, это еще помнилось. Потом скрип снега, стрельба, скрип и стрельба. Обоз уходил замерзшими болотами, белизна снега резала глаза. Полицейский батальон наседали, временами отчетливо слышались крики полицаев-украинцев, и снова строчил пулемет. Михась помнил, что лежал в санях, было тесно, солома колола щеку, кто-то так стонал, что у Поборца желудок выворачивало. Раненых все прибавлялось, Михась сползал на снег, шел, шатаясь и увязая, по чужим следам. Снег набивался в валенки, холодил пылающие ноги, потом накатывал озноб, колотило до лязга зубов. Пьяные ноги начинали уводить прочь от следов, Михась пытался вернуться к веренице саней, к бредущим людям. Голоса чудились: мамин, Марихин, жужжали взбудораженные летние пчелы и взвизгивал поросенок Васька. Откуда они в снежном лесу? В пылающей голове ненадолго светлело, Михась понимал, что стреляют, что орет у саней фельдшер Дымковский – сам раненный, безжалостно гонит и гонит околевающих лошадей и людей. Михась возвращался туда, к стонам, к скрипу снега

---

³² Пресняк – пресный хлеб грубой выпечки.

³³ Борисовско-Бегомльская партизанская зона.

и лошадиному запаху. Пытался найти сани, где лежала Женька. Она не стонала, но Михась узнавал тихий кашель. Но вновь накатывал жар, кони и люди становились темными пятнами, а сверкающий снег выедал глаза. Михась спрашивал пятна, где Женька, не слышал сам себя...

– ...Хочешь, подарю?

Женька разглядывала пистолет: на красной ладошке «Астра» казалась тяжелой, как фрицевский «парабеллум».

– Красивый. Спасибо. Но мне, наверное, не нужно. Я же в лагере всегда. Меня защитят. Я ж всех наших с изнанки знаю – вон сколько белья перестирала, – она улыбалась. – Ты, Миша, только не попадись с пистолетом. Ты же на заданиях вон как рискуешь.

– Не попадусь...

Тогда было лето. Август. Женька улыбалась. В повязанной по-городскому косынке, вся такая... и ленинградская, и лесная.

Было жарко. Август. В голове снова путалось, и скрипел снег. Стреляли. Михась хотел кричать, не мог и искал сани.

Живой Женьку он больше не видел.

Остатки бригады пробились на север. Встретились с заставой отряда «Народный мститель», встали в старом летнем лагере. Михась смутно помнил, как валялся в жарко натопленном будане³⁴, отвернувшись от костра – глаза слепило невыносимо. Незнакомая девушка насильно поила кислым. Щупал лоб злой, с перевязанной головой фельдшер...

Подняться Михась смог на третий день, пришлось на палку, как старому деду, опираться. Выбрался из будана...

Лагерная поляна, коновязь и снег в желтых пятнах. Этот вытоптаный серый снег уже не слепил. Горели костры, под кухонным навесом Степанида вместе с бабами «Мстителю» возилась с котлом. Пахло гречкой с разваренным мясом – желудок аж болью резануло.

– Где? – просипел Михась.

– Там, в елочках, лежат. Все, кого довели. – Левую щеку тетка Степанида обморозила, и плакала как-то криво, чтоб слезы на темно-красное пятно щеки не текли.

Убитых и умерших довели более трех десятков – лежали шеренгой на снегу. Хоронить уже было начали – раскопали снег, расковыряли землю. Но свободных людей было мало, да и морозило шибко – подождут мертвые, им спешить уже некуда.

Смерть и мороз из людей колоды делают. Но Михась мертвецов видел уже много. Поднимал лапник, узнавал по лицу и одежде. Женька лежала последней, лишь лапник помешал сразу по росту понять. Михась побрел разыскивать хоззвод и просить лопату.

– Да погодь, оно ж как камень.

– Я начну. Отдельно надо.

Земля и правда едва поддавалась. Михась расковырял хвою, мелькнул почти зеленый лист суницы³⁵ – летом такую крупную собирали. Начав чуть в стороне от намеченной большой могилы, Михась понял, что не совладать – раньше сдохнешь. Пришли хмурые хлопцы с кайлом, матюгаясь, долбили по очереди. Михась передыхивал, съел принесенный котелок с жидкой гречкой – мяса вовсе не дали, – снова ковырял. Отдельный ровик слился с общей вырубленной ямой. Женьку втиснули рядом с рослым Ковалем. Ну, пусть. Минчанин был мужиком неплохим, вот только голову ему разрывная пуля сильно попортила.

---

³⁴ Будан – шалаш.

³⁵ Суница – белорусское название земляники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.